

Иван Крамер
Машины Российской Империи
Серия «Стимган»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8342630
Крамер, Иван. Машины Российской Империи: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74946-1

Аннотация

Мир пара и дизеля, дирижаблей и паровозов. Эра великих открытий и чудовищных преступлений...

Кто желает поставить этот мир на колени? Подчинить народы, захватить природные ресурсы, завладеть технологиями и с помощью сверхоружия покорить планету? Может быть, это великая Российская Империя? Соединенные Штаты Америки? Европа? Или существует другая сила, про которую пока никто не знает? Черная буря приближается. Стена зловещих туч уже встала над миром, и скоро из нее ударит первая молния.

Агент-нелегал русской разведки, гимназист – грабитель банков и молодая авантюристка... странная троица. Как им бороться с тайными хозяевами мира? Но они готовы рискнуть. Ведь у них есть все, что нужно: смекалка, изобретательность, ловкость... и шестизарядные револьверы :) Осталось лишь заручиться поддержкой удачи. А она любит смелых!

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	6
1	6
2	12
Глава 2	14
1	14
2	19
Глава 3	28
1	28
2	31
3	35
Глава 4	37
1	37
2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Иван Крамер

Машины Российской Империи

© Крамер И., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Часть первая

Великолепные грабители банков и поездов

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ!

ЛЕТАЮЩИЙ МЕРТВЕЦ НА БРОДВЕЕ!

Коллеги из газеты «Нью-Йорк уорлд» сообщают:

«Вчера необычное и пугающее происшествие взбудоражило жителей Нью-Йорка. Около семи часов вечера посреди Бродвея на мостовую упало человеческое тело. По словам очевидцев, оно появилось в воздухе и рухнуло под ноги ошарашенных прохожих, совершающих вечернюю прогулку.

Возникла паника. Оказавшийся поблизости репортер нашей газеты Ирвин Мартинсон первым обследовал тело. Это оказался немолодой смуглый мужчина в костюме из пятнистой кожи и сапогах с каучуковыми подошвами. По словам г-на Мартинсона, ногти мужчины были выкрашены черным лаком, а волосы заплетены в две косы. На них висели амулеты в виде черных шариков и того, что репортер описал как «шестерни с глазами». На груди незнакомца зияла смертельная рана, однако он был еще жив. Когда репортер, желая оказать помощь, склонился над ним, человек произнес два слова. Первое прозвучало как «сплетение», а вторым было нечто вроде «миринэ» или «мирини».

Затем странный человек скончался. Увы, провести более тщательный осмотр не удалось, так как появившиеся полицейские оттеснили людей. Место происшествия было оцеплено, а тело увезено на автомобиле с удивительной поспешностью. Ирвин Мартинсон утверждает, что автомобиль этот не принадлежал полицейскому департаменту, и его окна были покрыты серебром, мешая разглядеть, что находится внутри». Газета «Новое время», Санкт-Петербург

Глава 1

У мамы есть пистолет

1

Мама достала пистолет и сказала:

– Собирайся, малыш, поедem грабить «Царь-Банк».

Я только вошел в дом со свежей газетой в руках. Мне ее заявление сразу не понравилось. Во-первых, какой «малыш» – завтра мой день рождения, мне стукнет шестнадцать. Во-вторых, вот-те на, «Царь-Банк»! Не чересчур ли?

Но я не стал возражать. Одно дело – отец, который склонен внимать вескому голосу разума в моем лице, и совсем другое – мама, она у нас нестигаемая и непробиваемая. Папа так ее и зовет иногда: Стойкая Джейн.

Отец у меня наполовину ирландец, наполовину русский. А мама – англичанка и когда-то была акробаткой в знаменитом Солнечном Цирке Гарибальди. Я родился в Европе, но уже около десяти лет мы живем в России, изображая семью иностранных коммерсантов средней руки. Родители скрываются тут от сыщиков нескольких европейских стран. По-русски они говорят совсем без акцента, а я так и с самого начала без него говорил.

– Дело очень серьезное, такого раньше не было, – добавила мама, вставляя в кобуру большой блестящий револьвер, чью рукоять украшали «щечки» из черного агата с инкрустацией белым серебром – буквой «S». У отца такой же, только на рукояти другая буква – «H». Эти пятизарядные револьверы – чей-то подарок, и с ними в жизни родителей связано нечто важное, послужившее причиной их бегства в Россию, тайна, о которой они никогда не рассказывают.

– Ясно, что дело серьезное, – сказал я. – Вы вообще хорошо подумали, прежде чем на такое решиться?

– Еще как подумали, – кивнула она.

Я в этом, честно говоря, сомневался, о чем говорить не стал, только спросил:

– Ну ладно, а что надеть?

– Комплект Номер Два: Тихое Скрытное Проникновение в Особо Грязных Условиях, – объявила мама, застегивая плащ и поправляя шляпку, похожую на букетик цветов. Шляпка эта очень идет к ее крашеным белым кудрям и вздернутому носу, о чем она, конечно же, прекрасно осведомлена. А еще в шляпке спрятано гибкое лезвие, которое удобно выхватывать, потянув за короткий шнурок.

– Мы поедem в другой одежде, чтобы не вызывать подозрений, а ты сразу переоденься, – добавила мама.

– Номер два... – недовольно повторил я и отправился в свою комнату на втором этаже, про себя ругая родителей за то, что заранее не предупредили о готовящейся операции. Ограбить «Царь-Банк»! Ведь такое на ровном месте не провернешь, они наверняка долго готовились – и все молчком, мне ни слова. Почему хотя бы утром было не сказать?

Поднимаясь по лестнице, я кинул взгляд на первую страницу газеты и встал столбом. В заглавной статье говорилось, что Всемирная Механическая Выставка, открытие которой было назначено через две недели, торжественно открывается завтра в десять утра. Ух! Напрямую не писали, но ясно было, что спешка вызвана желанием утереть нос французам, у которых в Париже вот-вот начнется своя Всемирная Выставка. В конце статьи был фотоснимок невысокого усатого человека в котелке – известного британского конструктора Вилла Брутмана. Он помогал русским железнодорожным инженерам в создании самого

главного экспоната Российской империи, каковому экспонату еще только предстояло прибыть на Выставку из Санкт-Петербурга.

Ну вот, подумал я, входя в комнату, там Выставка начинается, столько всего на ней будет, а я тут торчу, потому что родителям, видите ли, приспичило грабить банк! В сердцах скомкав газету, швырнул ее на стол и начал переодеваться в комплект для Скрытного Проникновения в Особо Грязных Условиях: темный комбинезон из грубого сукна, который тяжело порвать и не жалко испачкать, черные ботинки и куртку. Форму свою, свидетельствующую о том, что я гимназист Первого Технического Училища, аккуратно повесил в шкаф. На учебе в Техническом настоял я. Родители были не то чтобы против, просто зачем им сын-инженер? Но не идти же мне в Полицейское Училище, этого бы они совсем не поняли. Да и люблю я всякие устройства, шестерни, клапаны и насосы. Люблю механику.

Эх, а ведь были серьезные планы на этот день! Во-первых, почитать учебник. Во-вторых, вместе с Петькой Сметаниным отправиться смотреть воздушные шары. И все, и конец моим планам, давай теперь, Алек, езжай с родителями, грабь банк. Есть все же в судьбе сына преступников большие минусы.

В общем, я собрался и вышел во двор. Стояла середина теплой осени, было пасмурно, но не холодно. Посреди двора отец разводил пары в карете. Она похожа на большую луковницу из желтого металла на четырех колесах. Сзади – котел, паровой двигатель и бак с автоподачей для угля, по бокам окошки, решетчатые, прикрытые занавесками. Серьезная машина, в квартале больше ни у кого такой нет. Здесь все больше разъезжают на семейных паровозках вроде «москвича», «строганова» и «доброконева» производства фирмы «Паровые Машины Кулибина».

Карета пыхнула паром, а отец повернулся ко мне. Мы с ним не особо похожи. Он жгучий брюнет, у меня же волосы чуть ли не белые, он – крупный, на две головы выше меня, движения у него размашистые, голос зычный, а душа широкая, как Невский проспект. Непонятно, в кого я такой пошел со своими тонкими чертами лица и худобой... А еще со склонностью все для начала обдумать, в то время как родители бросаются в очередное свое похождение, предпочитая обмозговывать детали на ходу.

Отец, выглядевший еще более озабоченным и встревоженным, чем мама, похлопал по выпуклой дверце кареты. Наша паровозка модели «федот-22», созданная умельцами московского завода «Дукс», способна брать до десяти русских миль в час, то есть примерно до семидесяти – восьмидесяти километров – это же просто невероятная скорость!

– Готов, Алек? – спросил он.

– Готов, Генри, – ответил я.

Родители у меня совсем молодые и предпочитают, чтобы я называл их по именам, а не «мамкал» и «папкал». А мне не трудно, мне так даже легче, потому что вот идешь если с мамой по улице или стоишь в лавке, где незнакомые кругом, и скажешь случайно ей «мама́н» – так все на нас сразу пялятся, потому что родительница при ее маленьком росте и симпатичном личике смотрится совсем девчонкой. То есть на мою девчонку она все же не тянет, но вот на старшую сестру – запросто. Поэтому я называю их по именам, это давняя привычка, совершенно для меня естественная.

– Вы что, собираетесь на нашем «федоте» прямо к банку подкатить? – уточнил я.

Он сдержанно улыбнулся:

– Вроде того.

– Удачная задумка. А визитки свои сунете охраннику в карман, когда уложите его лицом на пол, или директору банка на письменный стол подкинете?

Родитель, давно привыкший к вулканическим выбросам моего остроумия, в ответ подмигнул:

– Сейчас все поймешь.

Почему все-таки оба такие напряженные? Не свойственно это моим родителям, ох, не свойственно. И дело не только в ограблении «Царь-Банка», тут что-то другое, непонятое. Что-то их гложет.

Только мы сели в карету, как во дворе появилась Джейн. Под плащом у нее был строгий темный костюм, что в сочетании с жутко кокетливой шляпкой-букетом производило неизгладимое впечатление. Наша мама вообще состоит из контрастов. Большой револьвер – и шляпки-букетики, нож в чулке, стилет в муфте... А еще она любит всякие яркие украшения, но природный вкус помогает ей блюсти меру.

Усевшись позади, возле Джейн, я вдруг понял: надо прямо сейчас сказать им то, что уже несколько дней хочу сказать, да все не решаюсь. Потому что если не скажу – потом вообще не соберусь. А я должен объявить родителям о своем решении, просто обязан. Сколько можно тянуть?

Я открыл рот, но тут Генри спросил:

– Отопрешь ворота?

Пришлось выбираться из кареты, раскрывать их, потом закрывать. Когда мы поехали по улице, из-за угла показался околоточный Игнат, брат моего друга Петьки Сметанина. Игнат на пятнадцать лет старше Петьки, имеет изрядное пузо и добродушное лицо. Он шагал вдоль заборов, на одном боку – дубинка, на другом, в кобуре с гербом полицейских сил Санкт-Петербурга, – однозарядный пистолет. Увидев нашу карету, приостановился и махнул рукой.

– Принесла нелегкая! – отец поехал быстрее.

– Сделай вид, что не видишь, – посоветовала мама.

– Именно такой вид у меня сейчас.

– Ты левее держи...

– Джейн!

– Ну, все, все, сам разбирайся.

И тут я решился. Просто-таки расперло всего от желания наконец выступить с важным семейным заявлением. И я выступил:

– Джейн, Генри, я хочу пойти в сыщики.

Наступила тишина. То есть карета катила дальше, стучала подвеска, урчал котел, но внутри «федота» сгустилась такая плотная, осязаемая тишина, что на ней можно было повеситься, как на суку.

Потом отец резко затормозил, а мама повернулась ко мне:

– Что?!

Нет, на самом деле все было не так. Карета ехала себе, отец рулил, мама глядела в окно. Потому что в действительности я ничего не сказал, только ярко, зримо представил себе, как говорю. В отличие от мужества воображение у меня хорошо развито. Я его намеренно развивал, решив, что это полезно для полицейского сыщика. Логика, аналитика – конечно, основное, но и воображение для этой работы необходимо, потому что оно помогает осознать психологию преступника, влезть в его шкуру. И воображение мое пошло в рост так, что я даже жалею, что дал ему волю. Ведь теперь я состою будто из двух половин: воображения и разума, которые временами спорят так, что аж голова гудит. Мешают нормально жить.

В общем, я в очередной раз не решился разбить сердца своим родителям, промолчал. А Джейн сказала:

– Пора рассказать тебе, что к чему.

И потом изложила их план. Над которым они, надо полагать, долго думали, ночами не спали, головы ломали, добывали нужные схемы... Примитивный такой план, я так им обоим и сообщил. И *грязный*. И в то же время – почему бы и нет? Это могло сработать.

Родители всегда, рано или поздно, излагают мне свои планы, потому что, как говорит Генри, у меня рассудительный и критический ум. То есть я рассуждаю и критикую, а это хотя и раздражает, зато полезно. Необычные у нас с ними отношения. Кто я им – вроде ученика, подмастерья в преступных делах? Раньше так и было, но в последние полгода роли изменились: я стал партнером. Мы теперь на равных, хотя в некоторых практических вопросах я разбираюсь хуже их, зато по части планирования все наоборот.

Этот план был таким простым, что и покритиковать нечего. Я только уточнил, верны ли сведения, и они заверили меня, что да, все так и есть, «Царь-Банк» и вправду можно ограбить. Не центральное отделение, а так называемое Береговое, что на Курляндской улице.

Карета остановилась в рощице возле оврага, за которым был пустырь, а дальше – река Екатерингофка. За ней лежали небольшие острова, где приличным господам появляться не след, хотя мы с Петькой неоднократно появлялись, невзирая на запрет его родителей (моя была не против), чтобы поглазеть на обитающий там *простой люд*. Так называют всяких бездомных, бродяг, владельцев и работников дешевых притонов, беглых каторжан да спившихся матросов.

Отец поставил «федота» между деревьями, чтобы не было видно со стороны набережной Обводного канала. Родители переоделись в свои Комплекты Номер Два, и мы спустились в овраг. Генри захватил из паровозки небольшой ранец.

Овраг весь зарос, на дне его было сумрачно, и мне вручили электрофонарь. Вообще-то у меня есть свой, гораздо лучший, но я его, как выяснилось, забыл. Луч озарил залепленную грязью решетку на дне оврага. Мы вскрыли ее и спрыгнули в каменную трубу, уходящую под небольшим уклоном в ту сторону, где стояло Береговое отделение «Царь-Банка».

По дороге отец объяснил, что раньше трубу использовали для дренажа, но она давно заброшена, про нее все забыли. Двигаться пришлось на четвереньках. За Генри следовала Джейн, расставшаяся, слава богам, со своей шляпкой, которая бы совсем чудно выглядела на даме, ползущей по дренажной трубе. Я замыкал.

Хорошо, что осень выдалась совсем без дождей, и в трубе было относительно сухо. Миновав пару забранных решетками отверстий и вспугнув нескольких крыс, мы достигли помещения с железной лестницей у стены. Генри выпрямился, поправил ранец.

– За мной, злодеи! – велела Джейн и первой взбежала по лестнице.

Наверху оказались площадка и дверь с замком. Мама отошла в сторону, уступив место отцу. Он у нас великий знаток отмычек и вообще *искусства вскрытия*. Учителем его, по словам Генри, был знаменитый немецкий ломщик сейфов Дюк Риденшнайдер. Они общались целых три дня. Дюк около десяти лет назад был проездом в каком-то европейском городке, где тогда находился отец, и с тех пор не проходит и недели, чтобы родитель мой хоть раз не вспоминал про это. Причем, по его словам, получалось, что престарелый ломщик не только успел преподать молодому Генри МакГрину уроки высокого искусства вскрытия сейфов, но и научил множеству других полезных вещей, наделив его вековой мудростью всех мировых преступных сообществ.

Теперь Генри желает, чтобы и я стал в этом деле умельцем, поэтому, снимая ранец, он подозвал меня. Я подошел и спросил:

– Что в ранце?

– Динамит, – ответил он. Скинул на руки маме сюртук и торжественно закатал рукава своей французской рубашки.

– Генри! – взмолилась мама. – Я тебя умоляю, давай без этих церемоний!

– Не торопи меня, женщина! – важно прогудел отец.

Родительница в ответ завела глаза к потолку. Родитель же извлек из кармана плоскую кожаную сумочку, похожую на портмоне. Раскрыл. Внутри в петельках лежали *инстру-*

менты вскрытия: крючки разной формы, пилочки, набор ключей и прочие хитрые металлические штуковины.

– Алек, я неоднократно говорил тебе о важности осмотра места вскрытия и предварительной... – начал отец.

Иногда мне кажется, что я гораздо старше своих родителей. Они смешливы, несерьезны, воспринимают жизнь легкомысленно – как игру. Они бесстрашны, отчаянны и просты. Они вызывают восхищение этими своими качествами. Я не таков, я человек вдумчивый и опасливый. Последняя черта – следствие рассудительности. Когда родители, сломя голову, бросаются в новую авантюру, мой разум принимается изучать возможные варианты развития событий. И поскольку в делах незаконных лишь один или два пути ведут к успеху, а все остальные – к провалу, аресту, а то и смерти, разум мне об этом добросовестно докладывает, и это слышит воображение. Что тут начинается! Воображение воет и стонет, живописуя картины ужасных последствий любого нашего неверного шага. Хорошо, что у меня есть чувство юмора, иначе моя жизнь была бы совсем беспросветна.

– Итак, Алек, приступая к вскрытию, прежде всего необходимо убедиться... – вещал между тем отец.

Не дослушав речь, я вздохнул, вытащил из сумочки в его руках длинный крючок с загнутым спиралью кончиком, сунул в скважину, провернул, хрустнув древним замком, – и раскрыл дверь.

Генри замолчал с приоткрытым ртом. Джейн хихикнула.

– Поторапливайтесь, – сказал я, засовывая крючок обратно.

Мама, встав позади отца, расправила сюртук. Он моргнул. Ни слова не говоря, закрыл сумочку, положил в карман, сунул руки в рукава, взял фонарь и шагнул в дверь.

– Зачем вам динамит? – спросил я, поднимая ранец.

Мне не ответили. За дверью оказалось тесное круглое помещение: каменная стена, без дверей, зато с люком в потолке. На люке запорное колесо.

– Достаем перчатки, – сказал отец, снова раскрывая ранец.

Внутри лежало больше десятка динамитных шашек – ну, ничего себе! Они что, все Береговое отделение «Царь-Банка» собрались взорвать? В отдельном кармане были три пары кожаных перчаток, отец вытащил две и протянул нам. Мы с ним стали проворачивать колесо, пока в люке не клацнуло, откинули книзу крышку на петлях. Вперед выступила Джейн. Скинув плащ, подпрыгнула, ухватила за край проема... раз! – и вот мама наверху.

– Давайте сюда, – позвала она.

Я залез первым, отец следом. Джейн с револьвером в руках стояла посреди короткого коридора. В конце коридора была дверь, а с другой стороны – глухая стена.

– Что дальше? – я подошел к двери и включил фонарь. Оглядев замок, повернулся: – Этот долго вскрывать, тут же...

Родители не смотрели на меня – стояли, задрав головы к решетке под низким потолком.

– Оно? – спросил отец.

У мамы в руках был лист бумаги со схемой.

– Оно.

– Что «оно»? – спросил я. – Ненавижу, когда вы так...

– Малыш, эта отдушина ведет в нижнее отделение банковского хранилища, – пояснила Джейн. – А в нем есть ячейки.

– А в ячейках бриллианты?

Она посмотрела на отца.

– Возможно, – кивнул тот. – Но мы не знаем, в каких что-то есть, а какие пусты. К тому же в ячейках часто прячут всякие бумаги, от которых нам не будет никакого проку.

– Ну, так зачем мы пришли?

– Затем, – сказала Джейн, – что у нас есть сведения по одной ячейке. Которую наш великий ученик великого Дюка Риденшнайдера и вскрыет. А ты останешься здесь и разве-
сишь взрывчатку. Чтобы...

– Чтобы своды сии обрушились за спинами нашими! – завершил не чуждый театраль-
ности великий ученик, торжественно показав на стену с отдушиной.

– В котомке еще смола, – добавила мама. – Сверим часы.

Она извлекла из кармашка маленькие золотые часики, мы с Генри достали свои часы
– побольше и не такие изящные. Щелкнули крышками.

– Двенадцать ноль три, – сказал я. – Зачем мы их сейчас сверяем?

Отец ответил:

– Потому что ровно в двенадцать – обход. Следующий – в двенадцать тридцать, у нас
есть почти полчаса. Все, Джейн, пора. Алек, вопросы?

– Что в той ячейке? Зачем мы пришли?

– А давай мы расскажем тебе, когда выберемся наружу? – Джейн попыталась приоб-
нять меня за плечи, но я отступил, опять начиная злиться.

– Я не понимаю, я сообщник вам или не сообщник? Сын, в конце концов, или не сын?!
Почему вы...

– Сын! – заверила мама.

– Сообщник, конечно, сообщник! – добавил отец.

– Тогда...

– Сын... мнээ... сообщник, сейчас просто нет времени, – перебил Генри. – Конечно,
мы все тебе расскажем. Не злись, а займись лучше взрывчаткой. Ты знаешь, что делать?

– Знаю, – насупленно ответил я.

– Вот и хорошо. Ну, Джейн, время дорого.

Пока я, присев на корточки, искал в ранце коробку с клейкой смолой, родители вскрыли
решетку у потолка. Первой в отдушину полезла мама, за ней отец. Распутав клубок горячих
шнуров, я принялся приклеивать шашки к стене. Из отдушины доносились приглушенные
звуки, потом там что-то стукнуло, и все стихло. Фонарь я поставил под стеной, где разве-
шивал шашки. Шнуры от них протянул к люку, свернул жгутом и приклеил смолой к краю.
Стояла глухая, очень подземная тишина. Часы показывали, что прошло двадцать минут, –
скоро второй обход. Из отдушины не доносилось ни звука, лишь иногда казалось, что оттуда
слышится тихий-тихий треск, но это, наверное, потрескивало мое воображение, распален-
ное всеми этими обстоятельствами.

Размышляя о нелегкой судьбе сына грабителей, я походил вдоль стены, потом решил,
что рациональнее использовать вынужденную паузу с пользой, и принялся боксировать
стену. С отцом мы иногда боксируем, хотя я вообще-то не люблю всякие бои. Драка – послед-
ний довод дураков. Тут все просто: если ты довел ситуацию до драки, не сумев решить ее
положительным для себя образом, значит, сделал что-то не так. Попросту – сглупил. Мы с
Генри по этому поводу частенько спорим, ему такая позиция не близка.

За стеной раздался глухой стук, и я повернулся. Там вскрикнули, потом застонали. Что
происходит?! Шорох, шелест... звуки приближались...

Показалась мама. Ухватившись за край, повернулась и спрыгнула. Тут же высунулись
огромные ноги отца, он тоже полез вниз.

– Алек, уходим! – Джейн бросилась к люку. В руках у нее была большая памятная
книжка из темно-вишневой кожи, с металлическими углами и кодовым замочком. Подхватив
ранец с фонарем, я ринулся за мамой.

– Что случилось?

– Охранник вернулся раньше времени! – крикнул спешащий сзади Генри. – Поджигай!
Мама спрыгнула в люк. Усевшись на краю, я достал спичечный коробок.

– Но я же не рассчитывал на погоню! Оно будет долго гореть, люди попадут под взрыв, когда откроют ту дверь!

Генри мгновение глядел на меня, потом одной рукой выхватил из кармана большой раскладной нож, а другой – спички из моих рук.

– Я сам зажгу, прыгай!

Он бросился назад к стене и полоснул ножом сразу по трем шнурам в том месте, где они подходили к шашкам – решил поджечь короткие куски, чтоб рвануло почти сразу и охранников не поубивало. Да только я постарался на славу, все шашки развесил, а их было много...

Я глянул вниз – Джейн ждала, задрал голову и подняв руки, готовая принять меня.

– погоди! – вскочив, я поспешил к отцу.

– Алек! – крикнула она, но я уже, раскрыв свой ножик, принялся резать шнуры.

– Алек... – начал отец.

– Зажигай! – крикнул я, когда услышал голоса, проникшие в коридор через отдушину. – Сейчас охрана будет здесь!

Вспыхнула спичка, затрещал один шнур, второй. Я закончил укорачивать остальные. Отец быстро прошел мимо, один за другим поджигая их, и мы рванулись к люку, куда я спрыгнул первым. Увидев нас, мама побежала вниз по лестнице.

Только мы успели достигнуть ее основания, как вверху раздался взрыв.

2

Запрыгнув в карету, сразу поехали прочь. Взрыв перекрыл путь, которым мы проникли в «Царь-Банк», но надо было побыстрее оказаться как можно дальше, потому что скоро в этом районе появится множество полицейских. Наверняка ведущее в трубу отверстие на дне оврага найдут... и что они решат? Да то, что грабители появились с островов. Ух, какой шум там начнется – и не описать! Облавы, обыски... Но нас это уже не касается.

Рулил опять Генри. Мы с Джейн задернули занавески и включили лампу. Родители переоделись, запихнули грязные костюмы под сиденье. Положив записную книжку с вишневой обложкой на колени, мама сказала мне:

– Все дело связано с этим предметом.

– И что там? Слушайте, если вы мне опять не расскажете...

– Не сердись, я же рассказываю. Эта книжка принадлежит Виллу Брутману, и в ней хранится кое-какая нужная нам информация, касающаяся его поезда. Коды некоторых замков. Ты ведь знаешь, кто такой Вилл Брутман?

Еще бы мне не знать! Англичанин Вилл Брутман был главным инженером «Самодержца» – величайшего российского проекта конца XIX века, как его называли газеты. Этот огромный угольный танк-паровоз приводил в движение железнодорожный состав, провозглашенный самым длинным и тяжелым в мире. Первый рейс «Самодержца» начинался сегодня, через несколько часов, а завершался рано утром в Москве, прямо внутри Купола – то есть здания Всемирной Механической Выставки. Туда съедутся знаменитые изобретатели, механики, инженеры, фабриканты, там будут показаны последние достижения передовой науки и техники... и «Самодержец» должен стать главным экспонатом Российской империи.

Карета катила прочь. Отец молчал, мама пыталась открыть памятную книжку.

– По-моему, здесь устройство для самоуничтожения, – сказала она. – Под кожей металл, и если попытаться просто так вскрыть...

– Может взорваться?

– Вроде того или пыхнуть каким-нибудь газом. Ладно, погоди... – она достала ножик и просунула между обтянутыми кожей, плотно сжатыми пластинами, образующими обложку. Ковырнула, отставив книжку подальше от себя, наконец сумела раскрыть.

– Вот так. Видишь, здесь баллончик, и если бы я просто сломала замок... порция горчичного газа в лицо обеспечена.

Этими своими манипуляциями с книжкой она отвлекла меня, сбив с мысли, поэтому вопрос, который напрашивался сразу, я задал только сейчас:

– Постойте, какие коды замков? Вы что, собрались ограбить «Самодержец»?

– Ты у нас умный, Алек, – довольно сказала Джейн. – Впрочем, это не удивительно, учитывая...

Она смолкла, а отец добавил:

– Это будет величайшее ограбление века, и тебе выпала возможность участвовать в нем. Что скажешь?

Я ничего не сказал, потому что лишился дара речи. Просто разинул рот и вытаращился на них. А мама со значением посмотрела на меня и погладила черную рукоять своего пистолета.

Глава 2

Барышня поневоле

1

Заперев «федота» в каретном сарае, я направился к дому, под дверями которого дожидались родители. Они неуверенно глядели на меня, и я сказал, приблизившись:

– Ну, давайте, что у вас?

Папа покосился на маму и толкнул дверь, пробормотав: «Ранец положу». А мама заговорила не очень уверенно:

– Малыш... извини, Алек, нам надо сообщить тебе нечто важное.

– Да-да, я жду, ты уже можешь приступать.

– Нет, ты ждешь другого – объяснений по делу, что нам предстоит, но есть кое-что еще. Более важное.

– Даже еще более важное?

– Да, настолько важное, что это может очень сильно выбить тебя из колеи.

– Надолго, – донесся голос Генри из приоткрытой двери.

– Да говорите! – взмолился я. – Вы прямо издеваетесь над собственным сыном, а это нехорошо.

– Ни в коем случае, – выплянул отец, – просто мы пока обдумываем, как сообщить. Хотели объявить тебе завтра, на твой день рождения. Но тут возникло это дело с банком и поездом... Вернее, оно возникло несколько дней назад, но так внезапно, что мы теперь не очень-то знаем, как поступить.

Джейн, тряхнув головой, заключила:

– Нет, я знаю. Мы поступим, как и собирались: все расскажем завтра. После того, как закончим с «Самодержцем». А пока что посвятим тебя в подробности этой операции.

Ну что ты будешь с ними делать? Я потер лоб и сказал: «Тогда, в конце концов, пошли в дом» – и мимо мамы шагнул в дверь.

– Сейчас переоденемся и после закончим этот разговор, – сказал Генри из дверей кухни. Я стал подниматься по лестнице, и он добавил вслед: – Алек, готовься к серьезным переменам. Может, мы даже уедем из страны.

Уедем из страны? Я едва не споткнулся о ступеньку. Покинем Россию? Но я же собирался уйти из Технического и поступить в Полицейское училище! Собирался стать сыщиком... делать карьеру в столице... да и вообще мне нравится Россия! Это большая империя, здесь просторно – во всех смыслах. Здесь открываются широкие возможности для людей, которые знают, чего хотят. И вдруг – уезжать?!

Я переоделся в домашнюю одежду, встал перед зеркалом и приказал себе успокоиться. Поправил волосы. Эх, волосы... Они у меня белые, но не белоснежные, скорее серовато-белые, можно сказать – серебристые. Не знаю, откуда такие. Из-за волос, если не надеть шапку, я слишком выделяюсь. Родители это, конечно, не одобряют, ведь злодей должен быть незаметен. Хотя я бы не назвал Джейн такой уж незаметной, а Генри вообще очень статный мужчина. Так или иначе, я-то в чем виноват? Они меня этими волосами наградили, пусть это и будет их проблемой. И все же в большей степени это моя проблема, потому что волосы делают меня похожим на девушку. У меня тонкие черты лица, а тут еще и шевелюра...

– Алек! – позвали снизу, и я вышел из комнаты.

Мама успела организовать чай, на столике стоял наш лучший сервиз, блюдец с вареньем, тарелка с французским хлебом и масленка. А на краю дивана лежали светло-голу-

бое платье в цветочек, которое я бы охарактеризовал как «веселенькое», и шляпка с вуалеткой. На полу стояли белые туфельки. Родители, судя по лицам, ожидали соответствующего вопроса, но я решил быть гордым и сдержанным. И не помогать им: пусть сами рассказывают.

Пока Джейн наливала чай, Генри заговорил:

– Алек, ты уже понял: нам нужно проникнуть на «Самодержец».

Мама придвинула ко мне блюдце с чашкой. Я взял ее, сделал глоток, выжидающе глядя на отца, и он продолжал:

– Украденное там надо передать одному человеку, нашему заказчику. Мы называем его Мистер Икс. Да-да, и не смотри так. Театрально, понимаю, но на то есть причины. Мистер Икс – и точка.

– Но как вы собираетесь проникнуть в поезд? Туда, уверен, билеты не продают, это же первая его поездка, отправятся только приглашенные персоны.

– Под личиной четы Мэри и Гиллиама Уолшей, – пояснила Джейн, и отец кивнул.

– Они как раз из тех, приглашенных персон. Гиллиам Уолш – директор крупного машиностроительного треста в Белфасте, и когда-то он вложил средства в российские железные дороги.

– Короче говоря, владелец части акций русской железки, – заключил я.

– Угу. Так уж получилось, что Уолши с дочерью Абигаил опоздают к отбытию «Самодержца», о чем здесь пока никто не знает. И мы займем их место. Нам всего-то и надо, что показать пригласительные билеты, подделать которые было нетрудно.

Блюдце с чашкой дрогнули в моей руке, чай расплескался, я поставил их и переспросил:

– Дочь?

– Любимая малышка Абигаил, что означает «радующая отца», – с самой серьезной миной пояснил папа. – Тебе надо будет сыграть нашу дочку, Алек.

Мы все вместе посмотрели на веселенькое голубое платье в цветочек, лежащее рядом со мной. Заерзав, я отодвинулся от него, как от удава.

– Я не смогу.

– Сможешь, – возразила мама. – При необходимости ты вполне артистичен, мы все это знаем. С твоим голосом...

– Что? Что с моим голосом? Я не понял – у меня писклявый девчачий голос?

– Ни в коем случае! У тебя красивый, мелодичный, очень привлекательный голос. А еще я тебя подкрашу и...

– Мелодичный?! Ты, наверное, помнишь, мне завтра шестнадцать! Моему голосу давно пора сломаться и стать взрослым, мужским, грубым, низким и немелодичным, вот как у папы!

– Нет, давно – не пора, – сказала она. – По-всякому бывает. Да и вообще, он у тебя не детский. Просто такой...

– У меня грубый голос? – удивился Генри, опуская пустую чашку.

Я вскочил, не в силах больше сдерживаться, сказал им: «Нет! Я не буду ходить барышней!» и, вконец рассерженный, взбежал по лестнице.

В своей комнате снова встал перед зеркалом – и, не сдержавшись, рассмеялся. Просто это твоё *больное место*, признайся, малыш. Немного девчачья внешность, а? Смазливенькая мордашка. Вон у Сметанина щеки – во! Носопыра – с кулак! Подбородок – как мое колено! А я...

Я пощупал свои, что называется, точеные скулы и не то чтобы совсем уж впалые, но явно не пухлые щеки. М-да, зрелым мужчиной меня не назовешь. Ну и ладно. Не повод для расстройства, не так ли? Я лег на пол и отжался, как настоящий мужик, тридцать раз, а потом

с громким выдохом встал на руки, чему Джейн научила меня еще лет в десять, и прошелся по комнате. Петька Сметанин очень завидует этим моим умениям, завидует и жалуется, почему он так не может. А что тут скажешь? Конечно, если у тебя мама из Украины, кормит всю семью варениками, галушками со сметаной да борщами такими наваристыми, что в них мыши не тонут, а у меня мама – акробатка и преступница и научила меня делать зарядку каждый день... Да к тому же я от природы тонкий, легкий, а у тебя мама как колобок, папа, как шкаф, и сам ты, Петька, тяжелый, мясистый, весь такой широкий и приземистый... В общем, если подумать, то это вполне логично, что я могу отжиматься, ходить на руках и повсюду кувыркаться, а ты пробежишь три метра – и задыхаешься, как старая лошадь.

Двигаясь по комнате на руках, я размышлял: в чем проблема, почему я так раздражен и обижен? Да потому что слова: «Мы тебе скажем позже» звучат как: «Ты еще маленький, чтобы это знать». Я вдруг снова стал ощущать себя ребенком. Родители что-то скрывают, недоговаривают, вот, на дело с банком потащили, предварительно не посоветовавшись, теперь этот поезд, и еще какая-то тайна у них от меня...

Ладно, и как с этим разобраться? Громко выдохнув, я вскочил на ноги. Прежде всего, прекратить злиться. Спокойно наблюдать за происходящим и пытаться понять, почему Генри с Джейн, которым я вообще-то полностью доверяю, начали скрывать. Рано или поздно разберусь.

Решив так, а заодно взбодрившись гимнастикой, я сказал своему отражению в зеркале: не робей, Алек МакГрин! Раздался стук, негромкий голос: «Можно?», и в комнату вошел Генри. Я видел его в зеркале: он прикрыл дверь и встал позади. Лицо в зеркало не попадало, такой он был высокий.

– Алек, я хотел...

– Не надо, – сказал я. – Все понятно, ладно. Это была минутная слабость, и она уже прошла. Сейчас спущусь.

– Нет, я... в общем, готовил этот подарок тебе на день рождения, но решил вручить сейчас, – и он протянул мне револьвер с черными агатовыми «щечками» на рукояти, где была серебряная буква «Н».

Оружие ярко блеснуло в солнечном луче, пробившемся из-за шторы. Ух! У меня даже дух захватило. Рука сама потянулась к револьверу. Но ведь он – Генри, не мой, для родителей эти револьверы как символ их союза.

– Ты что, на самом деле собирался подарить мне его завтра? – спросил я.

Он, замявшись, ответил:

– Нет, на самом деле другой пистолет, тоже неплохой. Но теперь думаю, что оставлю его себе, а этот бери ты.

– Спасибо, – искренне сказал я. – Но не надо.

Отец явно удивился, пришлось добавить:

– Пусть эта пара пока будет у тебя с Джейн. А я завтра получу тот, который предназначен для меня. Он, наверное, поменьше размером?

– Ну, вообще-то – да, немного. Ты уверен?

– Я уверен. Скажи, это дело так важно? Ведь оно совсем для нас нетипичное и явно опасное. Почему вы решились на такое?

– Оно не просто важно, Алек, – отец повел широкими плечами, будто в растерянности. – Понимаешь, оно для нас, как бы сказать... принципиально. Мы не можем не сделать его. И мы очень рассчитываем на тебя.

– Тогда идем и закончим обсуждение, – решил я. – Как взрослые люди с низкими мужскими голосами.

Ухмыльнувшись, Генри отправил револьвер в кобуру.

– Ну, пошли вниз, брат мой меньший... – обняв за плечи, он повел меня к лестнице. Генри редко так обращается ко мне, это признак особой ситуации, когда он хочет показать, как я ему близок.

Джейн, беспокойно прохаживающаяся по гостиной, встретила нас вопросительным взглядом.

– Сейчас все решим, – сказал родитель и сел на стул.

– Тогда примерь, пожалуйста, это платье, малыш, – попросила она.

– Да, Алек, – папа снова взялся за чашку и добавил с едва заметной иронией: – А то мы беспокоимся, по размеру ли?

Я поднял платье с дивана, окинул родителей гордым взглядом и сказал:

– Что вы себе позволяете? Я – честная барышня и на глазах у других не переодеваюсь. Даже моим родителям не позволено глядеть на это.

Расправив платье, я приложил его к себе, поглядел в зеркало на стене и снова сел.

– Успею примерить. У меня еще есть вопросы по этому делу, и самый главный: так какой у вас, то есть у нас, план?

– Джейн, изложи наш план, пожалуйста, – быстро опустошив вторую чашку чая, Генри поднялся. – Нам скоро выезжать, а мне еще нужно кое-что подготовить.

Он снова поднялся по лестнице. Мама, начав убирать со стола, заговорила:

– Понимаешь, Алек, все завертелось так быстро, что толком подготовиться мы не успели. Понятно, как попасть на «Самодержец». Известно, где хранятся нужные нам сведения. Кое-какие приспособления с собой будут... а остальное решим на месте.

– Отличный план, – одобрил я. – Продуманный, все мелочи учтены, как обычно у вас. Решим на месте, чего там... Ладно, а что с настоящими Уолшами? Они точно не появятся в последний момент?

– Нет-нет, это невозможно. Их задержали в дороге.

– Кто задержал и как?

Она не успела ответить: Генри уже спускался, неся в руках кофр из желтой свиной кожи, со стальными углами. Мама, собрав посуду на поднос, отправилась на кухню, и на последний мой вопрос ответил он:

– Ирландцами занимался Мистер Икс, тот, что заказал нам это дело. Вернее, как мы поняли, его помощники. Уолшам они ничего не сделали, не думай, просто устроили кое-какие неполадки... В общем, на «Самодержце» их не будет.

– Кто такой этот Мистер Икс?

Мама вернулась без подноса, они с папой переглянулись, и она сказала:

– Давай об этом потом, а?

– Вы перекидываете друг другу право отвечать на мои вопросы, как мячик, – я опять начал закипать, но сдержался. – Ладно, все равно еще расскажете. А что в этом кофре?

– Кое-что любопытное, скоро увидишь, – папа достал часы, щелкнул крышкой и поднял брови. – Однако! Мы уже спешим, Алек, тебе действительно пора надеть платье.

Я возразил:

– Сейчас только начало третьего, а отбытие «Самодержца» назначено на пять.

– Мы хотим еще подъехать к дому Вилла Брутмана, – пояснила Джейн, – проследить, собирается ли он сесть на «Самодержец».

– Конечно, собирается. Уверен, он всю дорогу проведет в паровозе вместе с машинистами. Для него это крайне важно, тут поставлена на кон честь Британии.

– Нет, Брутман в последний момент может попытаться сбежать. Мы не знаем деталей, но нас предупредили об этом. Поэтому лучше прямо сейчас...

Перезвон дверного колокольчика прервал ее. Я вскочил, когда отец с матерью одновременно достали револьверы.

– Ты кого-то ждешь, Алек? – шепотом спросила она. Я мотнул головой. Генри бесшумно переместился к дальнему окну, выплянул из-за шторы и вздохнул:

– Ах ты ж! Это твой друг, тот... – он обвел рукой вокруг своей головы, – который с большим, гм, лицом.

– Петька?

– Малыш, спровадь его, пожалуйста, – попросила Джейн, пряча пистолет. – В дом не приглашай, извинись, скажи: срочно понадобилось уехать. Только, я тебя прошу, поторопись.

– Я отнесу платье с туфлями в твою комнату, – добавил Генри.

Сметанин переминался, скрипя ботинками, с ноги на ногу. Открыв дверь, я не дал ему заговорить, сразу выпалил:

– Извини, мы уезжаем прямо сейчас.

– Чего, серьезно? – удивился он. – Куда?

– Да родители тут... – я неопределенно помахал рукой. – Решили, в общем, устроить мне сюрприз. Уж устроили, так устроили. Прямо сейчас едем.

– Надолго?

– Не знаю, думаю, на пару дней, не меньше.

Петька насупился, вроде даже обиделся, судя по его, гм... большому лицу.

– Мы же договаривались идти смотреть дирижабли. И учеба как же?

– Да какая там учеба! – не выдержал я. – Мы на Всемирную Выставку едем!

Вот тут его проняло. Сметанин просто обалдел, даже рот приоткрыл. Потом лицо стало алчным, и он схватил меня за воротник:

– Открытки привези! И моторчик! Там новые модели будут продавать, машины на моторчиках! Ну, маленьких двигателях, говорят, их сам Тесла изобрел! И еще... А Механический Человек?! О-о-о!!! Сделай фотокарточки, обязательно!

– Хорошо, хорошо. Ты как маленький, ну, честно.

– Да ведь случай какой! Я же тоже хотел, мечтал, ты знаешь, но – никак! А ты... Эх! Слушай, и еще...

– Сметанин! – повысил я голос. – Я по-настоящему, бесповоротно и окончательно спешу. Ты это понимаешь? Не захлопывать же дверь перед твоим носом, мы же тогда поссоримся. Ну? Понимаешь?

Он понял. Вздохнул, молча спустился с крыльца и, ссутулившись, пошел прочь по улице. Даже жалко его стало, но я подавил жалость, сказал в сгорбленную спину: «До свидания» и закрыл дверь.

Родители стояли на лестнице и глядели на меня.

– Что? – спросил я. – Да, мне неудобно перед приятелем!

Джейн ободряюще улыбнулась, Генри развел руками, и они ушли переодеваться.

Я тоже пошел в свою комнату. Досада на родителей за то, что стали вдруг столько всего скрывать, не исчезла, к ней примешивалась тревога – ведь не просто так они скрывают, на то есть какие-то важные причины. Такое впечатление, что они за меня боятся и не очень понимают, как себя со мной вести. Что-то изменилось между нами, только я никак не мог понять, что именно.

Тревогу быстро вытеснило предвкушение. «Самодержец»! Всемирная Выставка! Я еду туда! Не просто еду – по дороге мы провернем сложную операцию! По заказу некоего Мистера Икс! Радостное ожидание переполнило меня, словно шар теплого света раздулся в груди. Начиналось что-то невероятное.

2

Щуплый, нервный господин в черном пальто и котелке вышел из дома, пригладил усы-щетку, вороватым движением достал из кармана фляжку, приложился к ней и сунул обратно. Котелок, пальто, костюм под ним – все вроде обычное, но нечто во внешности господина говорило: иностранец.

– Это Вилл Брутман, – поведала Джейн, вместе со мной выглядывавшая в окно кареты.

– Очевидность данного утверждения соперничает только с его банальностью, – пробормотал я, поправляя белую перчатку, которая все норовила сползти с запястья.

– Некоторых людей еще называют: язы, – сообщила мама в пространство.

Корсет, надетый под платьем, давил на ребра, с непривычки было трудно дышать. То есть снизу он давил, а сверху был как-то излишне свободен. Женские панталоны, кто бы мог подумать, жали между ног... а чулки с подвязками? Ощущение подвязок на бедрах – это просто чертова адская пытка, как женщины носят такое, зачем согласились связать свои судьбы с этими орудиями мучения и страдания?! И еще у меня чесались щеки под легким слоем пудры, наложенным мамой.

А вот родителям моим было хорошо: они, конечно, приоделись, но ничего такого необычного. На Джейн было дорожное платье и шляпка с торчащим в небо, как антенна, пером; на Генри – костюм тонкой английской шерсти и кепи. Одежда дорогая, пошитая с год назад в Европе, в известном лондонском Доме Изящества и Моды. Эти наряды они берегли именно для таких случаев, то есть когда нужно было изобразить зажиточных иностранцев. Генри еще и нацепил пенсне, очень потешно смотревшееся на его крупном лице. Револьвер он держал в кобуре, надежно укрытой под свободным сюртуком, а на коленях мамы стоял ридикюль, куда она положила свой. У меня, кстати, была сумочка – маленькая, беленькая и совершенно бессмысленная. Просто крошечный гимн бестолковости. Внутри пудреница и зеркальце, положенные туда мамой, и расческа-ножик, который в сумочку сунул я.

Генри остановил «федота» у поворота улицы, подальше от дома инженера Брутмана, потому что у входа маячила карета модели «доброконева», с гербом российских железных дорог на двери. Шофер – судя по внешности, приезжий с Кавказа – курил, поставив ногу на колесо. При виде инженера он встрепенулся и щелчком отправил окурочок на мостовую.

За Виллом Брутманом из подъезда появился слуга с чемоданом, сразу же приковавший мое внимание. Лет пятидесяти, коренастый, смуглый, с длинными усами, широкоплечий. Жесткие складки у рта, тяжелое невыразительное лицо. В движениях его чувствовалась сила, причем сила мрачная, опасная.

Есть у меня привычка – давать новым знакомым, ну и вообще людям, которые встретились на жизненном пути и хотя бы мимолетно там задержались, прозвища. Они могут касаться или внешности, или черты характера, наиболее ярко проявившейся при первом знакомстве. Это помогает, во-первых, лучше запоминать людей, а во-вторых, – понимать их. При взгляде на этого господина в голове сами собой возникли слова: *человек-кулак*. Твердый, крепкий – угрюмая мощь, старое закаленное железо, побывавшее в десятках боев, драк, потасовок. Вот каким был слуга инженера Брутмана.

– Заметили? – спросила Джейн.

– Ага. – Я поднял упавшую с края шляпки на лицо вуалетку, а потом просто стащил шляпку с головы. – Следовало бы этому слуге пошить свой костюм у портного поумелее: пиджак топорщится.

Генри на переднем сиденье пробормотал:

– Но зачем слуге инженера пистолет? Собственно, насколько я вижу, у него там две кобуры. Да к тому же неприлично огромные.

– А зачем пистолеты простым обывателям МакГринам? Кстати, ты уверен, что это пистолеты? Какие-то они очень уж большие. Сейчас поедут, приготовьтесь.

Пока человек-кулак и шофер укладывали чемодан в багажник, Брутман снова достал фляжку, и Генри заметил:

– Нервничает.

Шофер полез в кабину. На крышке доброконевского багажника можно стоять, ухватившись за поручни, слуга Брутмана запрыгнул туда, но заметил, что хозяин приник к фляжке, спустился обратно и забрал ее у инженера.

– Ого! – повысил я голос. – Вы видели?

Джейн что-то пробормотала. Казалось бы, внешность у Вилла Брутмана была самая невыразительная, но какая гамма чувств отразилась на его лице! Тут тебе и презрение, и злость, и страх едва ли не панический...

– Испугался, – сказала мама.

– Что там испугался – он же дернулся так, будто решил, что человек-кулак собирается его ударить.

– Как-как ты его назвал? Человек-кулак? Гм... А знаешь, – похож.

– Конечно, похож, – согласился я.

Каковы бы ни были отношения Вилла Брутмана и сопровождающего его смуглого усача, инженер решил проявить строптивость: вцепился в флягу и потянул на себя. И вдобавок что-то гневно проговорил. Завладев фляжкой, Брутман сунул ее в карман и полез в карету. Дверь закрылась, человек-кулак забрался на багажник и оглянулся. Стоящая под парами «доброконева» поехала.

– Нет, погоди, – сказал я папе, который собрался тронуться с места. – Не нравится мне, как он разглядывает улицу. Вроде так исподтишка, но внимательно. Он будто... обученный, что ли. Понимаете, о чем я?

– Выждем, – согласился Генри.

Я подвигал ногами, безуспешно пытаюсь привыкнуть к узким белым туфелькам. Ох уж туфельки! Как ходить? Это пока я в карете сижу – ладно, а потом? Выдам же себя. Джейн несколько раз за этот день повторяла, что я артистичный – чтобы подбодрить меня. Хорошо, может, и так, но барышень мне играть не приходилось, и неизвестно, насколько получится, пусть даже дома я потренировался ходить на каблуках.

Прохожих на улице было немного, в основном всякий служивый люд. Пока «доброконева» катила к повороту, папа выжидал, а когда служебная паровозка исчезла из виду, передвинул рукоять; под днищем лязгнуло, и мы поехали. Свернули – и сразу вокруг стало люднее. По тротуарам шли прохожие, впереди ехала телега с мешками, рядом двуколка с молодой дамой, запряженная гнедой лошастью, а дальше – аж три паровозки, включая «доброконеву».

– Алек, будь очень внимателен, – попросила Джейн. – Ты у нас иногда замечаешь такое, чего другие не видят.

– Затем вы меня на дело и взяли, – согласился я. – Скажете, нет?

Я был все еще недоволен скрытностью родителей, но уже не так сильно. Придет время – все расскажут, никуда не денутся, а особенно в купе «Самодержца», там места мало. Припру обоих к стенке. Или к вагонной перегородке, вот так.

Мы снова повернули. Служебная карета катила впереди, человек-кулак стоял на багажнике и глядел поверх крыши. Вдруг от булочной справа донесся крик, и прямо под колеса «федота» бросилось нечто в лохмотьях. Генри так вдавил тормоз, что карета протестующе скрипнула всем своим механическим естеством. Я еще не успел толком опомниться, когда понял, что дело совсем плохо: по улице к нам спешил Павел Глупов, местный околоточный. Он друг Игната Сметанина, старшего брата Петьки, они часто бывают вместе, а я бываю у

них дома, где Павел неоднократно видел меня... Да и моих родителей, кажется, видел, когда они однажды заезжали за мной.

Я съехался внутри корсета, тот даже стал меньше давить. Родители тоже растерялись. Генри полез было наружу, проверить, что случилось с тем, кто угодил под колеса, но подскочивший Глупов уже извлек из-под кареты немытое создание лет десяти, в обносках и непонятного пола. В руках у создания была булка; невзирая на хватку Павла, оно вцепилось в нее зубами и рвало, терзало, заглатывало – спеша превратить булку в ничто, пока не отобрали.

– Живой! – выдохнула привставшая Джейн. – То есть живая... живое.

На багажнике уезжающей «доброконевой» человек-кулак, обернувшись, внимательно наблюдал за происходящим.

Павел сощурился, вглядываясь сквозь переднее стекло «федота», узнал отца, улыбнулся и поднял в приветствии руку, другой удерживая рвущееся на волю существо.

– Генри, инженер уезжает, – указала Джейн.

– Так что мне сделать? – возмутился родитель. Голос был сдавленный, потому что он при этом улыбался околоточному. Существо, умявшее булку без остатка, извивалось и дергалось, но освободиться не могло.

– Не о том думаете! – зашипел я, так вжавшись в спинку сиденья, что корсет аж заскрипел, грозя лопнуть. – Он же меня узнает! Джейн, прикрой!

Она мигом вытащила из кармана на спинке переднего сиденья веер, подалась вбок и замахала им как бы перед своим лицом, а на самом деле – заслоняя меня.

От магазина мчался продавец в фартуке. Существо дергалось и подскакивало, как лягушка на противне, но уйти от длани закона не могло. Подбежавший лавочник закатил воришке оплеуху.

– Спокойно! – донесся голос Павла.

Служебная «доброконева» укатила далеко; вокруг шумели, сзади гудели, непрерывно ржала какая-то беспокойная лошадь, и Генри решил действовать. Он приоткрыв дверцу, сунулся наружу и позвал Павла, пытавшегося утихомирить оскорбленного потерей булки лавочника и разбушевавшееся после оплеухи, яростно дергающееся существо.

– Любезный! – позвал отец. – Павел, э... Мсье! Эй!!! – гаркнул он наконец во всю глотку, и Глупов поднял взгляд.

– Здравия желаю, господин МакГрин!

Ну вот, он даже помнит нашу фамилию...

– Здравствуйте, Паша. Послушайте, не могли бы вы освободить дорогу? Понимаете, мы сильно спешим. Я везу, – отец, поправив пенсне, кинул на меня взгляд через плечо, – везу этих дам на вокзал, и если мы опоздаем на поезд, их тетушка, добрейшая женщина, которая перепоручила их моим заботам на три дня, сделает меня несчастнейшим из людей.

Завершив экспромт таким пассажем, Генри решительно кивнул, будто ставя жирную точку.

– Ну, ты загнул, – пробормотала Джейн, продолжая так энергично обмахивать меня веером, что в карете поднялся сквозняк.

Павел пошевелил бровями, пытаясь вникнуть в речь отца. Тут существо, которое он все еще держал за одно плечо, в то время как лавочник сжимал за другое, присело, вынырнуло из просторной фуфайки, служившей верхней частью его облачения, и бросилось прочь. При этом оно исхитрилось лягнуть в пухлое колено лавочника, каковой заорал и запрыгал на одной ноге.

– Стой! – Павел рванул следом.

Отец прыгнул обратно на сиденье. Захлопнулась дверь, и мы покатали. Он вдавил грушу клаксона, огласив улицу свистком. Стоящий на нашем пути лавочник с руганью отскочил, позабыв о поврежденном колене. Мы быстро набрали ход.

– Надеюсь, планы Брутмана не изменились, – Джейн с громким стуком сложила веер. – По-моему, он таки едет на вокзал.

– Судя по направлению, так и есть, – согласился Генри. – Ничего, сейчас догоним.

И мы действительно догнали. Уже возле самой Вокзальной площади я заприметил впереди карету с гербом российских железных дорог и коренастым усачом на багажнике.

Перед вокзалом была выделена площадка для паровозок, где стояли по большей части так называемые таксо, паровые извозчики, выкрашенные желтыми и черными квадратами. Прежде чем выбраться из кареты, я несколько раз глубоко вдохнул и попытался представить себе, что я – молодая ирландская барышня, скромная и тихая, впервые приехавшая в Санкт-Петербург. Надел шляпку, накинул вуалетку на лицо, взял сумочку. То есть «надела», «накинула», «взяла»... будем последовательны, если я теперь женского рода, то так и следует думать о себе самом. То есть самой.

Генри, спустившись на мостовую, подал руку сначала маме, потом мне. Пришлось вложить свою слабую девичью кисть в его сильные мужские пальцы, и при этом он так ухмыльнулся... Мне, как воспитанной барышне, захотелось врезать ему сумочкой по голове.

Появились двое носильщиков, услышали от отца на ломаном русском, что нам нужно в «Пять вагон! Файф вагон самодержец!» и, подхватив багаж, направились в сторону первого пути.

С самого начала мы договорились, что родители в основном станут говорить на английском, используя иногда простейшие русские фразы, но что у дочери семейства Уолшей была хорошая русская учительница, которая и выучила ее языку, имевшему распространение на просторах Российской империи. По этой причине мне полагалось говорить более бегло.

Носильщики с нашими вещами шагали впереди, а дальше в толпе я заметил Вилла Брутмана и усача с чемоданом, пробирающихся к первому перрону. «Самодержец» виднелся слева от здания вокзала – огромный, сверкающий в лучах солнца паровоз и несколько вагонов за ним – но пока что я намеренно не разглядывал чудо-поезд, решив приберечь это зрелище на десерт.

Вечерело. Кофр из желтой кожи идущий впереди Генри нашим носильщикам не доверил, и я заметил, что от металлической рукояти к его запястью под рукав сюртука уходит железная цепочка.

Вокзал шумел вокруг нас. Гул, стук, гам, гудки... Ржание лошадей, пыхтение паровозок, крики и ругань... Я шел осторожно – каблуки же! – и чувствовал себя как не знаю кто. Как мужчина в женской одежде, вот как я себя чувствовал. Платье шуршало, корсет давил, панталоны жали, и почему-то мне все время казалось, что чулки сейчас соскользнут, расставшись с подвязками. Разум молчал, а воображение вопило: мы трое изображаем других людей, еще и чужестранцев, а я к тому же – барышню, у нас поддельные документы, поддельные пригласительные билеты, и вот со всем этим мы собираемся проникнуть на «Самодержец»! Поезд, на котором, между прочим, должен был ехать на Всемирную Выставку сам император, только его задержали какие-то сверхважные переговоры, что-то там не так в делах России и Британии. Как мы хотим обмануть людей, которые увидят нас, уже видят по пути к составу?! Да ведь все понимают, что я – юнец, а никакая не барышня!

Так стеном мое воображение и подсовывало картины того, как вынырнувшие будто из-под земли агенты охраны хватают нас и волокут в подвалы своего управления, и там допрашивают, причем меня – прямо в этом платье, чулках и кружевных панталонах, не позволив даже снять корсета... А ноги между тем исправно шагали, и руки сжимали маленькую и такую бестолковую дамскую сумочку, и шляпка плотно сидела на голове, и свисающая с нее вуалетка покачивалась, щекоча кончик носа. А вокруг шумел вокзал, и спешащий мимо мальчишка-газетчик выкрикивал, размахивая свежим номером «Петербургских новостей»:

– Страшное преступление! Париж потрясен! Зловещий мистер Фантомас снова в деле!

Надо же! Фантомас, наш именитый соратник по ремеслу, опять вынырнул из небытия, в котором пребывал последний год. Я шагнул было к мальчишке, но вспомнил, кем являюсь, и только рукой махнул. Странно для ирландской барышни покупать русскую газету. Потом узнаю, что еще натворила эта зловещая персона, отличающаяся явно садистскими наклонностями и страстью к эпатажным убийствам.

– Новый труп на берегу Сены! – кричал мальчишка, удаляясь от нас сквозь толпу. – Небывалое оружие, «винтовка дальнего боя», поразившая известного коммерсанта прямо в голову! Тень Фантомаса нависла над Парижем! Биржу штормит! Новый пароход спущен со стапелей Марселя! Гигантская ветровая башня будет питать энергией Флориду! Таинственный румынский граф завершил строительство первой в мире частной железной дороги, прямо от своего горного замка!

Звонкий голосок газетчика растворился в гуле толпы. Мы шли дальше, но вдруг Джейн приостановилась у тумбы с афишами, среди которых выделялась одна – большая, яркая, где сообщалось о скором выступлении какого-то заезжего цирка. На афише улыбающаяся девочка с обручем, в пестром платье, замерла на канате, вытянув ножку. Мама уставилась на нее. Вообще-то во время работы она обычно деловита и собрана, но иногда на нее накатывает. С тех пор, как Джейн работала в Солнечном Цирке Гарибальди, прошли долгие годы, но...

– Пойдем, – отец, вернувшись, тронул ее за плечо. Отведя затуманившийся взгляд от афиши, она тряхнула головой, и мы зашагали дальше.

Вдоль перрона стояло временное ограждение, а за ним – шеренга солдат в парадных шинелях, с саблями и ружьями. Рядом прохаживался седоусый унтер. Военные сдерживали толпу, иначе она так запрудит перрон, что к «Самодержцу» будет не протолкнуться. Люди тянули шеи, разглядывая паровоз, некоторые шли дальше по своим делам, другие ждали отправления. Сквозь гомон доносилась музыка. Наши носильщики поджидали нас; Генри вытащил из сюртука портмоне, оттуда достал три карточки с золотистыми вензелями и показал офицеру. Тот дал знак солдатам, чтобы пропустили, и вслед за носильщиками мы прошли на перрон.

Здесь людей почти не было, и я наконец-то внимательно оглядел состав. Хорош, хорош! У паровоза были раздутые бока, отчего он напоминал питона, проглотившего стакан. Вверх торчала необычайно высокая труба, за нею были два толстых сухопарника, то есть колпака для накапливания и сушки пара. Котел, сразу видно, здоровенный, поэтому сухопарники, чтобы слишком далеко не выступали, сделали приземистыми, но очень широкими. Я только не понял, почему их два, никогда такого не видел. А паровоз-то – просто огромный. Золотистый и сверкающий. Вагона-тендера нет, уголь хранится в бункерах прямо по бокам паровоза, вот почему он кажется раздутым. На вагоне за ним начертаны большие буквы: **РВ**. Что они значат, я не понял, зато надпись на втором вагоне была вполне ясна: **РЕСТОРАН**.

Над крышей ресторана возвышался купол – стеклянные панели на металлических ребрах. Это же обзорная площадка, ничего себе! Она ведь должна сильно тормозить... пройдя немного дальше, я понял: купол не круглый, а в форме овала, то есть сильно заужен в передней и задней частях, где становился почти острым, чтобы плавником рассекать поток встречного воздуха.

– Позвольте! – это у меня вырвалось само собой, когда я осознал, что состав непривычно короткий: к паровозу прицеплены этот непонятный РВ, потом ресторан, и за ним виднеются всего семь пассажирских вагонов. Как же так, ведь говорили и в газетах писали, что «Самодержец» станет самым длинным составом в мире. Или ему еще только предстоит таковым стать, а для первой поездки по маршруту Петербург – Москва прицепили лишь семь вагонов?

В конце перрона громыхал тарелками, бил в барабаны и гудел в трубы военный оркестр. Под раскрытыми дверями пассажирских вагонов стояли кондукторы в ливреях с золотыми полосками на рукавах, в белых перчатках и фуражках с сияющими кокардами.

– Пять, – Генри показал носильщикам на нужный вагон. – Файф!

Они пошли, куда было сказано, а мы приостановились, и Джейн спросила:

– Алек, ты чего напрягся?

– Потому что, – начал я, но запнулся, откашлялся и заговорил снова – голосом более высоким и тонким, с легким акцентом: – Потому что состав оказался короче, чем я ожидала. Думала, будет целая вереница вагонов, а тут...

– Ожидала? – повторила мама, потом кивнула: – Ах да, конечно. Ну, а что еще скажешь про него, милочка?

– Да-да, поделись с нами, дочка, – попросил отец.

– Значит, так, – сощурившись, я окинул «Самодержец» пытливым взглядом. Родители с интересом ждали. – Значит, так... Танк-паровоз примерно на три тысячи лошадиных сил. Угольные баки по бокам. Сварная несущая рама, на ней котел, цилиндр и будка машинистов, техническая палуба. Общая длина трубопроводов и дымоходов... – я сощурился, – ого, около километра! Танки вмещают двадцать пять тонн угля и двести пятьдесят тысяч галлонов воды... ну, это так, навскидку. Несмотря на размер, паровоз может проходить по двадцатиградусным кривым за счет особого поворотного механизма на ведущих колесах. Понимаете? То-то же! Вес у этой махины – суммарный, снаряженный, с углем и водой, – где-то пятьсот пятьдесят тонн. Уголь он жжет, как адские топки. Представьте, какой от него столб будет валить! А колесная формула, а? – я все больше распалялся. – Вижу две группы по восемь ведущих колес! Вижу четырехколесные передние и задние тележки!

Я значительно оглядел притихших родителей и подался к паровозу, вглядываясь в его железное нутро:

– Подача угля не ручная, там стокер на базе шнекового транспортера – механический углеподатчик прямо из бункера в топку котла. Целых два сухопарника, вот это действительно необычно. И, конечно же, гармонический семитоновый гудок.

Отец с матерью перевели взгляд с меня на поезд и обратно на меня.

– Малыш, – осторожно произнесла Джейн, – и ты все это понял в результате поверхностного осмотра?

Я подтвердил:

– Конечно, а еще в результате прочтения передовицы в «Телеграфе» и тщательного штудирования специальной статьи в «Железнодорожных ведомостях», где были подробные технические данные «Самодержца».

– Тьфу ты! – сказала родительница, а родитель сдержанно хохотнул. Но я их уже не слушал, потому что усталился вдоль перрона.

Из вагона с буквами **РВ** спустился инженер Вилл Брутман, успевший снять пальто, а за ним на подножке появился... в первый миг я его не узнал, лишь потом сообразил, что широкоплечий усатый механик в серой форме – переодевшийся человек-кулак.

Поскольку родители их пока не заметили, я указал:

– А вот и наши друзья. Обратите внимание на слугу.

Брутман одернул сюртук, поправил котелок. Тем временем из будки машинистов спустился седой человек в синей форме, а по перрону подошел другой, тоже в железнодорожной форме. Позади него скромно держался молодой господин секретарского вида, с папкой для бумаг.

Оркестр заиграл громче, ударили фанфары.

– Седой – главный машинист, – пояснил Генри. – На «Самодержце» его должность официально называется капитан состава.

– А тот второй, наверное, начальник вокзала, – добавил я.

Капитан приложил два пальца к фуражке, то же самое сделал начальник вокзала. В толпе у перрона радостно закричали, захлопали в ладоши. Брутман неуверенно коснулся указательным пальцем своего котелка. Они заговорили, начальник, торжественно улыбаясь, сделал несколько размашистых жестов в сторону поезда, капитан «Самодержца» степенно кивал. Все трое по очереди пожали друг другу руки, капитан поклонился и забрался обратно в будку, а начальник обменялся с Брутманом еще парой реплик, снова пожал ему руку и в сопровождении секретаря направился прочь.

Инженер огляделся, причем лицо у него было такое, будто он хочет немедленно бежать. Стоящий на подножке человек-кулак внимательно наблюдал за ним.

– Странные у них отношения... – начал Генри, но тут «Самодержец» дал гудок, и нас на время оглушило. Мощный, вибрирующий свист разнесся над всем вокзалом.

– Вот он, семитоновый гармонический гудок! – гордо кивнул я, будто наличие этого элемента на поезде было моей личной заслугой.

Из-под паровоза ударил пар. Густые клубы поползли во все стороны, рассеиваясь, – и туманом заволокли перрон возле паровоза. Брутман смутным силуэтом маячил в нем.

– Пойдемте в купе, – предложил папа, однако я остался на месте, потому что в этот самый миг в тумане возникло новое действующее лицо.

Высокий гибкий силуэт появился откуда-то из-за оркестра, сначала плохо видимый, но своей вкрадчиво-скользящей манерой двигаться сразу вызвавший у меня безотчетную тревогу. Когда туман рассеялся, я разглядел красивого черноволосого господина в франтоватом костюме и штиблетах, с черной «бабочкой» на шее, в черном цилиндре с белой ленточкой. В одной руке он держал толстую раздвижную трость, а в другой – металлический несесер-цилиндр.

Человек-лоза. Ни на долю секунды не усомнился я в том, что вижу третьего сообщника, – ведь Брутман со своим псевдослужбой были именно сообщниками в какой-то явно злодейской операции – и что вновь прибывший также отправится в поездку. Человек-лоза, вот так. Это определение выскочило само собой и намертво приклеилось к нему.

Незнакомец прошел мимо Брутмана, небрежно коснувшись тростью его плеча, кивнул и поспешил к первому вагону, украшенному буквами **РВ**. Человек-кулак отступил на подножке и что-то сказал человеку-лозе. Тот вспрыгнул в вагон, в проеме оглянулся, окинув перрон взглядом, нырнул внутрь. Брутман тоже забрался в вагон.

Ну а мы направились к своему.

Кондуктор оказался важным, как павлин из императорского сада. Настоящий Кондуктор с большой буквы, в ливрее, фуражке, перчатках, с мохнатыми бровями и тройным подбородком. А уж на нос его я просто загляделся. Огромный, мясистый, весь какой-то пупырчатый, с величественно торчащими из ноздрей пучками волос.

– Экий румпель, батюшки мои, – пробормотал Генри на английском.

– Наверное, этого человека разворачивает на сильном ветру, – подхватил я.

– Поразительный ветродуй, – согласилась мама. – Через такой если получше дунуть, можно улететь ракетой.

Некоторые люди бывают такими нетерпимыми к изыянам ближнего своего!

Пока мы приближались, Большой Кондуктор царственно наблюдал за нами, сложив руки за спиной и немного подавшись вперед. Нетерпеливо топчущиеся рядом носильщики наверняка сообщили ему, кто мы такие, и когда Генри протянул пригласительные, Кондуктор лишь бегло глянул на них. Склонившись будто бы под весом своего носа и едва не ткнувшись тем в руку отца, которую Генри поспешно убрал, Кондуктор молвил на английском:

– Господин Гиллиам Уолш... Госпожа Мэри Уолш... Мисс Абигаил... Добро пожаловать на борт «Самодержца».

Я ощущал себя голым под платьем. То есть я и так под платьем, панталонами и чулками был голым, но мне казалось, что все это видят. Мисс Абигаил, а? Мисс Абигаил! Все во мне кричало: я юнец, юноша я! Молодой человек, отрок, мужчина – самец, в конце концов! – неужели вы этого не понимаете?! И при этом внешне я по-прежнему являл собой худосочную, застенчивую и, насколько я мог понять, довольно миловидную девицу.

Манеры у Большого Кондуктора были очень церемонные, вежливые и немного, совсем немного снисходительные. Он как бы говорил своим видом: ну вот, приехали иностранцы из своих Белфастов, прикатили полюбоваться на нашу имперскую мощь. Ну любуйтесь, что уж теперь, тут точно есть на что полюбоваться, так уже будьте любезны.

Генри, поднявшись в вагон, протянул руку маме. Сзади раздались голоса, и мы оглянулись. Сопровождаемый тремя слугами с бесчисленными чемоданами и свертками, к нам приближался высокий господин, держащийся крайне гордо, а с ним – юнец, розовое лицо которого украшали усики, отпущенные явно для того, чтобы их обладатель казался старше своих лет, хотя на самом деле они его лишь молодили. Юнец этот так смотрел на меня, ух! Был бы я девушкой, подобный взгляд должен был бы мне польстить и смутить меня... но позвольте, я и есть девушка. Я польстился, смутился, потупился и побыстрее отвернулся.

Кондуктор при виде вновь прибывших преобразился. Снисходительность мигом исчезла из его манер, сменившись невероятной учтивостью. Я решил, что теперь самое время покинуть сцену, – подобрал платье, не дожидаясь, когда Генри подаст мне руку, запрыгнул в вагон и был таков.

Просторный тамбур и коридор устлали ковры. Багаж, то есть большой чемодан и непромокаемый несессер с секретным замком, уже стоял в нашем купе. Ну и купе! Войдя туда вслед за родителями, я едва не присвистнул. На две части его делила раздвижная перегородка, в обеих половинах были откидные диваны темного бархата, стены покрыты дубовыми панелями с латунными заклепками в виде корон. Еще здесь была мраморная раковина с золоченым краном, гардероб, светильники, столик на гнутых ножках, а окно наполовину закрывала штора с кисточками.

– Наш инженер сел в первый вагон? – уточнил отец, когда получившие по монете носильщики ушли.

– В первый, – подтвердила мама, присаживаясь на диван и стягивая с головы шляпку. – Дорогой, положи ее, пожалуйста.

Пока родитель, для которого купе казалось маловато, вернее, – это он казался крупноватым для такого помещения, – клал шляпку на гардеробную полку и снимал сюртук, я выглянул в окно. И спросил:

– На вагоне, куда вошли Брутман со слугой, написано «РВ». «В», надо полагать, и значит «вагон», а что такое «Р»?

– «Радио», – пояснила Джейн. – Там находится радиорубка «Самодержца».

– Целая радиорубка, надо же, как на кораблях. И начальника состава тут называют капитаном.

Генри поставил на край дивана желтый кофр. Сел, отстегнул цепочку, соединяющую ручку с правым запястьем, и погладил свою таинственную ношу. Снаружи вновь прозвучал семитоновый гармонический гудок, и перрон заволокло паром. Состав дернулся. Мама вытянула шею, глядя наружу. В коридоре за дверью прозвучал голос Большого Кондуктора:

– Господа и дамы, состав отправляется! «Самодержец» отправляется! Станция назначения: Москва, Всемирная Механическая Выставка. Время прибытия: четыре часа утра.

Отец, не выдержав, встал, мама тоже поднялась, мы отдернули штору и приникли к окну.

Военный оркестр все еще играл, но музыка едва доносилась сквозь шипение пара. Перрон был пуст, на нем лежали цветы и ленты, за шеренгой солдат волновалась толпа. Снова

прозвучал гудок – длинный, протяжный. Пар совсем заволок перрон. Состав во второй раз дернулся, и мама взялась за плечо папы, а он поддержал ее под локоть. Раздался стук колес, перрон пополз назад. Люди кричали и махали нам руками. Оркестр играл.

И вдруг я снова увидел человека-лозу. Теперь он был в одежде машиниста, но по-прежнему с несессером-цилиндром и тростью. Размахивая ею, сообщник Вилла Брутмана пробежал-проскользил сквозь пар. Ставив с головы шляпку, я приник щекой к окну, чтобы смотреть вдоль перрона. Человек-лоза запрыгнул на подножку вагона-ресторана и пропал из виду.

Я многозначительно поглядел на родителей.

– Это тот самый, который был в цилиндре с ленточкой? – спросил Генри. За окном прополз край перрона – «Самодержец» набирал ход.

– Да, он.

Мы отошли от окна, и отец заключил:

– Главное, что мы здесь. Не знаю, как вы, а я испытываю, как бы поточнее передать свои чувства, воспользовавшись силой великого русского языка... испытываю significant relief, – добавил он на английском. – Черт возьми, мне даже захотелось шампанского!

– Шампанское перед делом? – возразила мама. – Нет уж, шампанское – завтра. Надо же нам будет отметить день рождения Алека.

Я тоже чувствовал облегчение. И приподнятость. Все-таки – огромный сияющий паровоз, свистки, оркестр, цветы и ленты, – все это не может не улучшить настроения. Вот только была еще и тревога. Почему так нервничает Вилл Брутман? Что это за две явно темные и непростые личности с ним? Что за игра с переодеванием? Насколько я понял, человек-кулак и человек-лоза заняли места в паровозной бригаде «Самодержца». Для чего, что они собираются сделать? Ведь не угнать же, в конце концов, чудо-поезд. Далеко не уедут...

Вокзал остался позади, родители занялись чемоданом, а я все глядел наружу, размышляя. Колеса стучали тяжело, ритмично, и в стуке их слышалось: *«Что-то готовится! Что-то готовится! Что-то готовится!»*

Глава 3

Мы планируем грабеж

1

Город остался далеко позади, когда я наконец закончил детальный осмотр купе. Подвигал перегородку-гармонь, сползал под диваны, пооткрывал спрятанные там багажные ящики, все изучил. Освоил, в общем, помещение.

За окном медленно темнело. Большой Кондуктор величаво принес нам чай с изящными, закрученными в виде морских раковин эклерами. Снаружи тянулась унылая холодная местность с редкими огнями, ничего интересного. Зато внутри было тепло, светло и очень интересно. Горели две электрические лампы в синих абажурах, поблескивала позолота крана, ручки гардеробного шкафа, медные заклепки на двери и латунные – на стенах. Было тепло и уютно.

Все наконец разобрались со своими вещами, и когда суета, обычно сопровождающая начало такого путешествия, улеглась, когда мы попили чаю и справились с возбуждением посредством эклеров, я решил начать разговор.

– Мама... папа... – произнес я на французский манер, сел напротив них, чинно сдвинув колени, как благовоспитанная барышня, разгладил подол и заключил со вздохом: – Ну, рассказывайте!

Перегородка была раздвинута, и мы хорошо видели друг друга. Мысленно я потирал руки в белых перчатках. Вот сейчас все и выясним! Пора разобраться в ситуации.

Генри барабанил пальцами по тугой коже желтого кофра и улыбался, совсем не похожий на директора машиностроительного треста. Джейн сидела рядом, маленькая, серьезная, и тоже совсем не похожая на супругу директора машиностроительного треста. Она опиралась локтем на свой ридикюль и изящно слизывала с пальцев остатки эклерного крема.

– Нам нужно пробраться в первый вагон, – сообщил родитель.

– Первый, – повторил я. – Это который «РВ».

– Он называется «радиовагон». Предполагается, что на «Самодержце» иногда будет разъезжать император со свитой, а если не он, то другие важные персоны.

– Император ведь и собирался ехать, чтобы открыть Всемирную Выставку, – вставила мама. – Но не смог.

– Это понятно, – я стащил перчатку с руки. – Если Его Императорскому Величеству понадобится с кем-то связаться, то можно сделать это прямо с «Самодержца». Я читал, сюда сам Попов приезжал монтировать радиорубку.

Генри кивнул:

– Вот в нее нам и нужно.

– Зачем?

– Инженер Вилл Брутман, – многозначительно произнесла мама.

– Ага, я его видел сегодня, помните? Усатый такой, в котелке. Так что с ним?

Она достала из ридикюля украденную в «Царь-Банке» записную книжку и помахала ею в воздухе.

– Он ответственен за, как это называется... движительную часть «Самодержца». Котлы, все такое. Известный британский инженер-конструктор, большой специалист.

– Ты продолжай, продолжай, – подбодрил я.

И мама продолжила.

В последний момент по приказу Брутмана в радиовагоне был поставлен запасной компрессор для тормозной системы «Самодержца». Дублирующий. Якобы механизм, которым можно на ходу заменить тот, что сейчас смонтирован на паровозе, если он вдруг сломается. Вот, если вкратце, о чем поведала мне Джейн при некоторой поддержке Генри, который вовремя вспомнил слово «компрессор», вылетевшее у мамы из головы.

– Что за глупость? – удивился я, внимательно выслушав их. – Как можно на ходу поменять тормозной компрессор? Это же целое дело. Может, Брутман не очень уверен в работе того, что стоит в паровозе сейчас, и везет другой, чтобы заменить позже? Это я так, фантазирую, а вообще – странные вещи вы говорите.

Джейн деловито продолжала:

– Мы проникнем в радиовагон и, воспользовавшись взятыми в «Царь-Банке» кодами, обыщем сейф Брутмана. Нам нужно найти схему этого запасного насоса, компрессора, паровоздушной машины или как оно называется, осмотреть саму машину и отослать сведения нашему клиенту. И дожидаться ответа от него.

– Так это не ограбление, – я очень удивился, – а воровство информации? Почему постоянно выясняется что-то новое, почему вы не расскажете мне все сразу?

Они переглянулись, в который раз за этот день.

– Мы расскажем. Расскажем, честно, – заверила мама. – Не думай, что мы вдруг что-то начали намеренно скрывать от тебя.

– Но вы именно скрываете – и именно намеренно! А еще это многозначительное заявление о том, что завтра, после дела, расскажете что-то очень важное... Поэтому я совершенно правильно думаю: вы начали что-то намеренно скрывать от меня.

– Да, но...

– В общем, так, – перебил я, хлопнув перчаткой по ладони. – Мне вообще-то скоро шестнадцать. Поэтому, хотя мне неудобно ставить ультиматум родителям, но я его ставлю: сейчас вы мне рассказываете все, либо я выхожу в коридор, дергаю рукоять экстренного торможения, покидаю «Самодержец» и возвращаюсь домой, с вами или без. У меня, в конце концов, встреча со Сметаниным была назначена. У нас осмотр дирижаблей запланирован. И больше я помогать вам не буду. Выкрасть схему какого-то насоса? Пфе! Без смысла, без нормальных объяснений... Действуйте без меня! Все, я сказал.

И для убедительности притопнул каблучком по ковру. То есть я собирался топнуть нормальным каблучком своей туфли, но там был тонкий дамский каблучок, о чем я забыл. Это несколько снизило патетическую силу моей речи. Сморщившись, я стащил туфли и пяткой запихнул под диван.

В купе все стихло, снаружи стучали колеса и монотонно свистел ветер за окном. Родители знали это мое упрямство. Оно от Джейн, Генри более покладистый, а мама, если что-то заявит окончательно и бесповоротно, то...

– Собственно, – заговорил отец, – я не совсем понимаю причину этой отповеди. Мы тебе почти все рассказали. Давай я просто повторю, что нужно сделать? Мы проникнем в радиорубку, там стоит некий агрегат и запертые бронированные шкафы, агрегат осмотрим, а шкафы – вскроем. В одном находятся схемы запасного компрессора, который с непонятной целью в радиовагон в последний момент приказал поставить Вилл Брутман. Полученные сведения необходимо переслать по радио нашему заказчику. Дождаться ответа от него, а потом вернуться в купе и доехать до Всемирной Выставки, где насладиться последними достижениями мировой механики. Все ясно и понятно, какие у тебя вопросы, Алек?

– Кто заказчик? Кто заказал такую странную работу, вот главный вопрос!

– Но мы не знаем, дорогой, – развела руками мама. – Ведь ты уже спрашивал, а мы отвечали. Мистер Икс, так мы его назвали.

– Я задал этот вопрос снова потому, что в тот раз решил: на самом деле вы знаете, но скрываете от меня. Как это вообще может быть – заказчик-инкогнито?

– Именно, – кивнула она. – Мистер Икс, и всё тут.

– Как-то очень театрально.

– Надо же его как-то называть.

– Ну, допустим. Пускай Мистер Икс, инкогнито. Зорро в черной маске. Таинственный незнакомец. Значит, он много платит, раз вы согласились выполнять работу для анонима. Сколько? Если я участвую в деле на равных, то имею право знать и претендую...

– Он ничего не платит, малыш, – перебила мама.

– Я же просил не называть меня так!

– Ну, хорошо, – она хихикнула, – теперь мне называть тебя малышкой?

– Мама! – повысил я голос.

– Джейн, хватит, – произнес Генри таким тоном, что она смолкла и перестала улыбаться. Ее иногда заносит, но она понимает, если пора остановиться.

Я пару раз глубоко вдохнул, похлопал перчаткой по ладони и заговорил:

– Не думайте, что я забыл свое обещание покинуть поезд или что оно было высказано не всерьез. Итак, вы взялись за нетипичную и странную работу для неизвестного заказчика, взяли бесплатно. Отлично, я принял и осознал эту информацию. Теперь вопрос, от убедительности ответа на который зависят мои дальнейшие поступки. Почему? – скомкав перчатку, я подался вперед и медленно повторил, в упор глядя на них: – Почему... вы... согласились?

Они молчали долго. Напряженно и долго, а за окном все темнело. Потом Генри пробарабанил пальцами по кофру и ответил:

– Потому что нас попросил об этом человек, которому мы не могли отказать.

– Только и всего? По-твоему, это звучит убедительно?

– Убедительно или нет, это правда, Алек, – твердо ответил он. – Выполнить эту работу для Мистера Икс нас попросил человек, которому мы не могли отказать в просьбе.

– Просьбе? То есть он не шантажировал вас, не принуждал?

– Святые небеса, конечно, нет! – всплеснула руками мама. – Он просто попросил.

– Просто попросил... Так кто он?

– В том-то и дело, что это напрямую связано с тобой. С тем, что мы собираемся рассказать тебе после дела, завтра.

– Скажите сейчас.

Мама встала, обойдя столик, приблизилась ко мне, присела и взяла за руки. И сказала тихо и очень серьезно, глядя мне в глаза:

– Алек, если мы расскажем тебе сейчас, это может сильно повлиять на тебя. Ты не сумеешь хорошо действовать после такого, будешь постоянно отвлекаться мыслями на то, что узнал, а ведь дело очень серьезное, опасное и требует большого сосредоточения. Но я клянусь тебе, что мы расскажем – как только завершим работу. Я клянусь, Алек. Пожалуйста, не настаивай сейчас, если можешь. Можешь?

Она смотрела мне в глаза. И, конечно, я ответил: «Могу». И когда она добавила: «И пожалуйста, Алек, не уходи с поезда», сказал: «Не уйду». Нет, не потому что мной манипулировали, хотя это было правдой, а потому что в этот миг я вдруг со всей отчетливостью понял одну вещь. Я ответственен. Ответственность лежит на мне. За себя, за это дело. За родителей. Они ответственны за меня, а я за них. И за то, чтобы все завершилось благополучно для всех нас. А без меня они могут не справиться. Я родителям не то чтобы не доверял, я как раз доверял им, но... В общем, как бы они чего не натворили. Нам нужно быть вместе.

По выражению моего лица мама тоже что-то поняла. Она подняла руку, чтобы потрепать меня по щеке, но вместо этого хлопнула по плечу и вернулась обратно на диван в их половину купе.

– Фух... – переведя дух, я вытер перчаткой вспотевший лоб. Встал, потянувшись, сдвинул бархатную занавеску с кисточками, выглянул. Снова сел. Генри ободряюще улыбался мне, и я сказал:

– Хорошо, к делу. Давайте разбираться. Итак, радиовагон сцеплен с паровозом, нам нужно попасть на него...

Отец вставил:

– И главный вопрос, который перед нами стоит: как?

– Полагаю, посредством перемещения наших тел в пространстве, – сказал я.

– Тонко, брат мой меньший, – кивнул он и принялся загибать пальцы. – Есть три пути: поверху, то есть по крышам вагонов, раз. Сбоку, то есть вдоль бортов, два. И снизу – под днищем, три.

– У нас пятый вагон, впереди четвертый, третий, потом ресторан, – сразу возразил я, – по бокам идут окна купе, многие будут не зашторены... Как пробраться мимо них? Пригнаться? Или над окнами? Может, Джейн на такое способна, а мы с тобой вряд ли, брат мой старший. Нет, по стенам вагонов – точно не годится.

– Под днищем... – начал отец.

– ... вообще опасно. Там и мама, наверное, не сможет.

Джейн добавила, кивнув на чемодан с несессером, лежащие под диваном:

– У нас есть крюки, веревки, карабины, комплекты подходящей одежды, обувь. Даже блок-лебедка. Мы подготовились, Алек.

Я покачал головой:

– И все равно снизу – не вариант. Представьте, какой там ад, под днищем «Самодержца»... Ну, нет же, да вы и сами должны понимать. Крыши – вот путь для сильных, отважных и умных.

Родители переглянулись, и Генри согласился:

– Поверху – самое оптимальное. Пойдем по крышам.

– Только на вагоне-ресторане обзорный купол, откуда нас увидят, – напонила Джейн.

Мы замолчали, напряженно думая. Потом я щелкнул пальцами. Знаю, это невежливо, в приличном обществе так не принято, но я, со всем уважением, не мог назвать своих родителей приличным обществом.

Они с надеждой посмотрели на меня, ожидая от наследника гениального озарения, и я озарил их:

– Надо узнать у кондуктора, когда закрывается ресторан.

Прежде чем родители успели что-то сказать в ответ, я вскочил, натянул скомканную перчатку, вспомнил, что остался босиком, то есть в шелковых чулках, мысленно плюнул, снова сел, достал из-под дивана туфли и принялся натягивать их. Отец с матерью наблюдали за мной. Джейн потянулась к последнему эклеру, Генри снова забарабанил по кофру. Разобравшись с туфлями, я опять встал, оправил платье, провел ладонями по бокам, проверяя, как сидит корсет, а вернее, – насколько ловко он сдавливает мое естество, надел шляпку и вышел из купе. Совсем не виляя бедрами, как благовоспитанная юная леди.

2

В коридоре через одну неярко горели лампы. Поблескивали вычурные ручки на дверях, пол покрывала красная ковровая дорожка, а окна были закрыты бордовыми занавесами.

Вагон покачивался не сильно, но я-то был на каблуках, и пришлось взяться за поручень под окном. Отвернув занавеску, выглянул. В темноте проплывали редкие огни, я разглядел свое отражение в стекле: ох и картина! Хотя сейчас на бал, отбоя от кавалеров не будет.

В конце вагона сдвинулась дверь купе, вышел дородный господин с лохматой бородой, степенно прошествовал к тамбуру и скрылся из виду. В той стороне паровоз... значит, он направился в вагон-ресторан, больше вроде некуда.

С другой стороны, где было кондукторское купе, в вагон пятясь вошел Большой Кондуктор, плечом затворил дверь, повернулся, сжимая поднос с пустым графином и бокалами. Заметив меня, шевельнул своим выдающимся во всех смыслах носом, приосанился. Поклонился издалека.

Я в ответ *сделала* призывный жест и *направилась* к нему.

Платье шуршало, корсет скрипел где-то под мышкой. Каблуки вдавливались в ковер, глубоко проминали его. Одна из дверей купе была приоткрыта, и когда я проходила мимо, она резко закрылась. За миг до того в щели что-то мелькнуло – бледное пятно в полутьме, то есть чье-то лицо. Что такое, слежка? У меня по позвоночнику скатилась волна холодной дрожи, но с шага я не сбилась и вообще никак себя не выдала, по крайней мере, очень надеюсь на это. Не стучать же туда, не лезть в это купе, чтобы проверить. Спокойно, Абигаил Уолш, а то доведут тебя родители до паранойи со своими злодейскими операциями. Идем дальше, тщательно контролируя себя и окружающую обстановку. Вон левая нога то и дело норовит подломиться вместе с каблуком – это сейчас самая важная проблема.

Кондуктор, поставив поднос на полку, ожидал меня. А я не спешила – еще чего, не хватало знающей себе цену барышне из богатой ирландской семьи спешить к вагонному служащему. Старалась шагать изящно и постоянно напоминала себе: про голос, про голос не забывай, малышка Абигаил! Пищать не надо, но и баском случайно не заговори, а то он удивится, что за девушки в Ирландии живут.

В конце коридора я остановилась. Кондуктор шевельнулся, повел в мою сторону носом, и я ощутила дуновение ветерка. И сказала:

– Здравствуйте, уважаемый.

– Слушаю вас, мисс Уолш.

Никогда не думала, что человек может проговорить эти простые слова с таким неимоверным достоинством. Я спросила:

– Не сообразовали ли сообщить, до которого часа открыт вагон-ресторан?

Нос Кондуктора шевельнулся как бы в легчайшем, очень чопорном удивлении.

– Наш ресторан открыт до двух часов пополуночи, – поведал он.

Так. Плохо. «Самодержец» прибывает к куполу Выставки в четыре утра, и если они закроют ресторан всего за два часа до того, и в ресторане будут сидеть всякие господа, да не одни, а со своими дамами, которым всенепременно захочется подняться в обзорный купол да поглазеть на проносящиеся мимо унылые ночные пейзажи... Как же быть, как нам попасть в радиовагон? Временной зазор между закрытием купола и прибытием состава на Выставку получается слишком мал.

– Позволю себе заметить: у вас очень чистый русский говор, – добавил Большой Кондуктор.

Я мысленно хлопнула себя по лбу, не хлопнула – врезала кулаком с размаху, даже под черепом загудело. Говор! Акцент! Я же иностранец... иностранка! Про походку не забыла, про тембр голоса не забыла – про говор забыла!

Очень надеюсь, что лицо не выдало обуревавших меня чувств. Кондуктор внимательно поглядел на меня. Надо было срочно выкручиваться, и я сказала:

– Это потому, что мы держали учительницу из России. Много лет.

– Ах, вот в чем дело, – степенно кивнул он. – Передавайте мои поздравления вашей учительнице, мисс Уолш, ей прекрасно удалось ваше обучение.

– Непременно передам.

– Что же, прошу меня простить, мисс Уолш, служба зовет.

– Да-да, конечно, – перехватив поручень другой рукой, я стала поворачиваться на ушедших глубоко в ковровую дорожку каблуках. Чтобы как-то прояснить для Кондуктора, почему юная барышня интересуется временем работы ресторана, добавила на прощание: – Значит, я еще успею в обзорный купол.

– Тогда поспешите, мисс Уолш, – напутствовал он. – Купол закрывают раньше, в час пополудни. Покойной ночи, мисс Уолш, премного благодарен за беседу.

С этими словами Большой Кондуктор вступил в свое купе и прикрыл дверь.

А я пошла назад, внутренне ликуя: доступ в купол закроют раньше! Почему, любопытно знать, по какой причине? Убраться им надо, протереть стекла платочком? Неважно, неважно! Главное, там никого не будет лишний час.

Возвращаясь в купе, уже позабыв про свою роль и расслабившись, я размышлял: итак, состав прибывает в конечную точку в четыре часа утра, а обзорный купол закрывается в час ночи. Минимум за тридцать-сорок минут до прибытия нам нужно вернуться в свое купе, чтобы переодеться и вновь принять респектабельный вид, а лучше – за час, то есть в три надо быть у себя. Путь по крышам вагонов... ну, десять-пятнадцать минут, не меньше. Туда, затем обратно. А сколько займут все дела в радиовагоне – бог знает, но вряд ли меньше получаса. В общем, если рассчитать так, чтобы миновать купол примерно в час тридцать, то мы успеем сделать все и вернуться. Еще и время останется. Надо изложить все расчеты родителям, пусть порадуются, какой у них сметливый и разумный наследник... Додумать я не успел: дверь купе, которая недавно была приоткрыта и затворилась с моим приближением, распахнулась – и оттуда выпал черноволосый юнец с тонкими усиками.

Он, по-моему, хотел ловко вышагнуть в коридор прямо передо мной, чтобы, так сказать, явить себя во всей красе моему взору, но замешкался, споткнулся и в результате налетел на меня, прижав к стенке. Поручень под окном вдавился в ребра. Я не по-девичьи сипло крикнул. От соприкосновения наших тел юноша весь аж затрясся. Не забыв предварительно прикрыть дверь, в темноте за которой, вероятно, почивал его папенька, он отпрянул и негромко воскликнул:

– О, простите меня, сударыня! Простите! Я случайно вас не заметил!

– Да ну! – пискнула я придушенно. – То есть ничего страшного, сударь!

– Я приношу глубочайшие извинения, ведь мы не представлены... Но раз уж этот приключившийся инцидент... То есть это случайное происшествие... Забавное падение... Когда судьба свела нас в этом вагоне... Позвольте представиться, граф Юрий Федорович Кушелев-Безбородко.

Он судорожно схватил меня за руку, рывком поднял ее так, что у меня щелкнуло в плече, и приник усиками.

Я смерила его растерянным взглядом. Граф? Ого, да я хороша – целый граф со мной знакомится! Безбородко, Безбородко... Ну, точно, его отец, тот гордый господин на перроне, – сиятельный граф Федор Григорьевич, приближенный к императору.

– Очень приятно, ваше сиятельство, – сказала я. – Крайне польщена.

Юный Кушелев-Безбородко, отпустив мою руку, с робкой выжидательностью глядел на меня. Припомнив, как меня зовут, я присела в неловком книксене и сказала:

– Абигаил Уолш.

– Надеюсь, вы не сочтете сей инцидент... не примите его за... – Юрий Федорович Кушелев-Безбородко мучительно и глубоко, до корней усов, покраснел.

– Не приму, – ответила я, так и не дождавшись окончания фразы.

Мы стояли довольно-таки близко, пожалуй, ближе, чем приличествует малознакомым молодым людям, и граф при этом полностью перекрыл мне путь. До нашего купе оставалось недалеко, всего три двери, но пока что до него было не добраться.

– Вы с папенькой и маменькой путешествуете? – наконец справившись с робостью, осведомился Юрий Федорович.

– Да, с папенькой и маменькой, как вы догадались, ваше сиятельство?

Он ответил со всей серьезностью:

– Я видел вас на перроне у вагона. И расспросил про вас у своего отца. Ваша семья владеет акциями российской железной дороги.

Ах, так он успел про нас расспросить? Это настораживало: вдруг от папеньки юноша узнал про чету Уолшей нечто такое, о чем их дочка в моем лице понятия не имеет?

– Позволено ли мне будет пригласить вас в ресторан, мисс Уолш?

– Что вы! – ахнула я. – Я слишком молода для ресторанов.

Граф подался ко мне, заглядывая в лицо, произнес, пытаясь выглядеть самоуверенно и светски:

– Там великолепный обзорный купол. Я покажу вам звезды.

– Ой, спасибо. Я их уже видела.

Он снова мучительно заробел, явно расстроившись, мне даже стало немного его жалко. Пришлось добавить:

– Ваше сиятельство, папа с мамой не разрешают мне ходить одной так поздно по незнакомой стране с незнакомцами... То есть с недавними знакомыми.

– Но вы можете позвать их! – воспрянул он. – Мы можем пойти все вместе! Позвольте, я прямо сейчас предложу... – Юрий Федорович повернулся к нашему купе.

– Нет-нет! – едва не закричала я. – Ни в коем случае! Мой папа самых честных и строгих правил, и он...

Но граф смотрел куда-то вниз, замерев и трепеща. Я опустила взгляд – оказывается, не желая пускаться в наше купе, я схватила графа за руку. Градус его смущенности повысился до невообразимых высот, лицо пылало, казалось, оно вот-вот загорится. Поспешно отпустив графскую руку, я сказала:

– Позвольте пройти, ваше сиятельство, час поздний, и мне пора спать.

Это была глупейшая ложь – да, стемнело, но только лишь потому, что стояла осень, время было еще раннее. Однако я уже не заботилась о правдоподобии: надо было срочно бежать отсюда.

Граф, не найдя, что ответить, покраснел пуще прежнего и посторонился, прижавшись спиной к двери своего купе. Я шагнула мимо него, и тут вагон сильно качнулся. Не удержав равновесия, Юрий Федорович повалился вбок. Он бы сильно приложился ребрами о поручень, но я машинально ухватила его за талию. Захотелось воскликнуть что-то вроде: «Ах, какой вы растяпа!», и лишь крайнее усилие воли помогло мне сдержаться. Я думала, что конфузиться сильнее невозможно, но граф, выражаясь образно, сумел погрузить себя в еще более глубокую, дымчато-розовую, безбрежную бездну смущения, из тумана которой вышались лишь острые скалы застенчивости и стыда. М-да. Иногда меня заносит. В голову лезут такие странные картины, метафоры и сравнения, что диву даешься, откуда они могли взяться в обычном человеческом мозгу. Ничего не могу поделать со своим развитым воображением.

Граф отступил, весь пунцовый, пробормотал невнятно: «Покойной ночи, мисс Уолш», приоткрыл дверь своего купе и перепуганным зайцем юркнул туда.

И все же надо отдать ему должное: при всей своей катастрофической застенчивости он был наделен немалым мужеством, потому что находил в себе силы эту застенчивость преодолеть. Неважно, что ты боишься, важно, можешь ли действовать невзирая на страх.

Из темноты купе донесся тихий, полный затаенной надежды голос:

– Но мы же увидимся завтра на Выставке, мисс?

Я хотела ответить что-то резко, однако вместо этого сказала:

– Всенепременно, граф.

Дверь затворилась, и я поспешно зашагала – нет, теперь уже зашагал – к себе. За мной ухаживал мальчик! Какой кошмар! Но ничего, я от него отбилась. И нужные сведения добыл, вот так.

3

Заперев дверь, я упал на диван и расхохотался. Злость на графа сменилась облегчением. Все позади – и я все узнал!

– В чем дело, Алек? – спросила Джейн.

– Ни в чем. Просто тут за мной ухаживали.

– Что, кондуктор?! – изумился отец.

– Я надеюсь, ты вел себя как порядочная воспитанная девушка? – уточнила мама.

– Да нет, не кондуктор, конечно. Неважно.

Тело под корсетом как-то все умялось и теперь он почти не давил, но запястья сильно чесались под узкими рукавами, а еще от непривычной обуви побаливали ступни и ныли икры. Хотелось сбросить все эти женские тряпки с обувкой к чертовой ирландской бабушке. Я поерзал, скинул туфли. Джейн нетерпеливо добавила:

– Так что ты узнал?

– Мне пора переодеться.

– А если кто-то заглянет? – возразил отец. – Это не рационально.

– Рациональность! – буркнул я. – Ох и слово! Лучше не использовать его тому, кто собирается грабить поезда по заказу незнакомца.

– Алек...

– Итак, – перебил я не очень-то вежливо, но решительно, – после проведения сложной, полной намеков и недосказанности беседы с лукавым вагонным работником, чья подозрительность прямо пропорциональна носатости, были добыты ценные сведения: ресторан «Самодержца» закрывается в два часа ночи. А в четыре ночи, как вы знаете, мы прибываем.

Их лица помрачнели.

– Плохо, – сказала мама и хлопнула себя ладонями по коленям. – Ну, ничего, будем работать быстро. Придется...

– ...обзорный купол же закрывают в час ночи.

Все-таки удачный вечер, решил я, наблюдая за выражениями их лиц. Станный, очень необычный, но удачный. Приятно вот так вводить людей в оторопь.

– Алек, почему было сразу не сказать? – спросила Джейн.

Я честно ответил:

– Месть. За то, что вы мне сразу все не рассказали, за то, что до сих пор продолжаете о чем-то умалчивать.

– Это мелочно!

Я широко улыбнулся:

– Ага, и так приятно... Хорошо, давайте резюмируем: мы сможем проникнуть в радио-вагон по крышам. Если выйдем в час ночи, то по времени все получается.

Я стащил перчатки, бросил на диван, подвигал пальцами, похрустел ими и снова заговорил:

– Но только я вижу одну проблему, крайне существенную, как на мой взгляд, хотя допускаю, что от взора моих просвещенных родителей она могла ускользнуть в связи с их недостаточной...

– Да говори уже! – всплеснула руками Джейн.

– По заказу Мистера Икса мы ищем схемы некоей машины, в последний момент установленной в радиовагоне по приказу Вилла Брутмана, ответственного за силовую установку и другое оборудование «Самодержца». О'кей, о'кей... И вот теперь у меня вопрос: как вы собираетесь передать схемы по радио?

Еще не успев закончить этот краткий спич, я окончательно и бесповоротно решил сбросить платье. Да ну их всех! Сил же просто нет никаких. Вскочил, расстегнул пуговицы и потянул платье через голову. И шваркнул на диван.

– Алек, ну что же ты, – укоризненно произнесла мама.

– Больше не могу, – пояснил я, приказав себе не смущаться, ведь я стоял перед ними в кружевных панталонах, чулках и корсете.

– Но нам еще выходить из купе на глазах у всех.

– Это утром, после дела. Вот тогда и надену. Не полезу же я по вагонам в платье, значит, все равно снимать.

– Повесь хотя бы аккуратно, – вздохнула она и поднялась с дивана. – Кстати, у тебя сошла пудра с правой щеки. Раз уж ты разоблачился, давайте примерять одежду, в которой отправимся к радиовагону. Если купол закроют в час, то ты рассчитал все правильно, как я вижу.

Повесив платье в гардероб, я повторил свой вопрос:

– Так что насчет передачи схем? Этого никак не сделать по радио...

– А вот! – довольно сказал Генри сзади.

Я повернулся. На полу лежал раскрытый мамой чемодан, в нем – аккуратно свернутая одежда, несколько комплектов, и обувь. Теплые Костюмы для Ночного Проникновения с Возможным Применением Акробатики, определил я. Но не их имел в виду отец. Взгляд мой переместился на распахнутый желтый кофр, который стоял на столике между диванами – и больше от кофра не отрывался, буквально прилип к нему, а вернее, к его содержимому.

– Ух, ты! – сказал я и повторил громче: – Ух, ты! Ух, ты! УХ, ТЫ! ЧТО ЭТО ТАКОЕ?!

Глава 4

Большое ограбление большого поезда

1

Было двадцать минут второго, когда я с опаской высунулся под ледяной ветер за окном. Генри висел на ремнях, коленями упираясь в стену вагона, а Джейн заползла на крышу. «Самодержец» летел сквозь ночь.

«Вперед, Алек!» – сказал я себе, глубоко вдохнул и повернулся, присев на краю оконной рамы. Воображение в ужасе вопило о том, как я соскальзываю, как валюсь на рельсы, как меня утягивает под состав, и там мое тело скачет мячиком, ударяясь о шпалы и днища вагонов. Сцепив зубы, я пинками затолкал воображение в самую дальнюю, темную и глухую каморку и приказал разуму запереть его там, что он с удовольствием и сделал.

В купе уютно горели лампы, а снаружи гудел ветер и грохотали колеса. Я прижался к вагону рядом с отцом, на спине которого был приторочен желтый кофр. Ухватившись за ремень, снова присел и сдвинул обратно раму, оставив лишь небольшой просвет. А то еще пройдет по коридору Кондуктор, услышит необычно громкий шум изнутри, заинтересуется...

На голове моей была вязаная шапочка, на руках перчатки, а глаза прятались под большими гоглами. Так я их называю, гоглы, мне очень нравится это новомодное слово, хотя папа называет их «лётные очки», а мама почему-то «окуляры». У гоглов круглые стекла, вставленные в медные ободья с каучуковыми прокладками, и толстая резиновая лента, крепко прижимающая их к лицу. Такие не слетят и не потеряются, и никакой ветер им не страшен, при этом глаза защищены и все прекрасно видно.

А вот щеки не защищены, подумал я, снова распрямляясь и всем своим юным шестнадцатилетним телом – да-да, ведь перевалило за полночь, настал день моего рождения! – пытаюсь слиться со стенкой вагона. Носки ботинок упирались в стекло прямо над рамой.

Отец повернул ко мне голову. На обоих были крепкие суконные штаны, заправленные в мягкие ботинки с шершавыми подошвами, свободные куртки, перчатки и шапочки. На штанах и куртках – множество карманов со всякими предметами, необходимыми для Ночного Проникновения с Возможным Применением Акробатики. И еще под куртками были корсеты, но совсем не такие, какие привыкла носить нежная Абигаил Уолш: крепкие, с ремешками, пряжками и железными скобами, вшитыми прямо в кожу. Корсеты, предназначенные для настоящих мужчин с низкими грубыми голосами.

Сверху упал ремень с карабином на конце, я подхватил его и пристегнул к скобе на груди. Отец что-то сказал. Я мотнул головой, показывая, что не слышу. Он сдвинулся ко мне, наклонил голову и повторил громче:

– С днем рождения, Алек МакГрин!

Надо же – не забыл, даже в этих обстоятельствах. Приятно.

– С ночью, – сказал я.

– Что?

– С ночью рождения. Сейчас ночь, до дня еще дожить надо.

– Ничего, доживем. Подарок ждет в купе. У тебя есть веская причина вернуться целым и невредимым.

Сверху настойчиво дернули, мы подняли головы, папа посветил фонариком, пристегнутым к кожаной эполете на плече. Над нами тоже загорелся свет, возникла голова мамы в шапочке и гоглах.

Я полез первым. Стало темнее, когда Генри погасил фонарик. У них с Джейн фонари были обычные, электрические, фирмы «Губерт», основанной в Америке русским эмигрантом. А у меня – свой собственный, он лежал в просторном кармане на бедре. Это мое изобретение, сделанное еще на первом курсе Технического училища. Фонарь в форме пули, внутри емкость с газом и горелка, вспыхивающая от искрового воспламенителя. Шикарная вещь, моя гордость, только почему-то родители предпочитают обычную электрическую чепуху. А ведь у моего фонарика есть и еще одно свойство, очень, я считаю, полезное, хотя ни разу пока не использованное. Всегда мечтал сделать это и посмотреть, что получится, жаль, что не было повода, но я не оставляю намерения попытаться хотя бы раз. Тем более что второго раза уже не будет, свойство это, так сказать, одноразовое.

Наконец мы достигли крыши. Джейн даже в шапочке и Костюме для Ночного Проникновения с Возможным Применением Акробатики, который вообще-то грубоват и мешковат, смотрелась симпатично. И с виду была очень боевитая и деловая. Я понадеялся, что выгляжу не хуже.

– Поезд в преисподнюю, – пошутил отец. Я скорее угадал, чем услышал его слова.

Ветер стал еще сильнее. Его вой сливался с грохотом состава в протяжную, оглушительную песню. Мы распластались на вагоне, мама подползла ближе и заговорила, отчетливо артикулируя. Хотя доносились лишь обрывки фраз, смысл был ясен.

– Движемся, как договорились. Я впереди, Алек второй, Генри третий. Все правильно пристегнуты?

Мы оглядели себя. Я был пристегнут к маме, а отец – ко мне. Покивали друг другу. Джейн хлопнула меня по плечу и стала разворачиваться в сторону паровоза.

Поползли. По краям вагонной крыши торчали покатые выступы с решетками, хвататься за них оказалось удобно, упираться ногами тоже, двигались мы резво, вот только ветер мешал. Спасали перчатки и очки, хотя щеки уже пылали. Генри было тяжелее всех из-за притороченного к спине кофра, который работал как небольшой парус.

Когда достигли края вагона, Джейн вытащила из чехла, вшитого сзади в куртку, толстый стержень, раздвинула, превратив в телескопическую лесенку. Положила ее на крышу перед собой и толкнула вперед. Другой конец лестницы лег на край следующего вагона, и мама поползла дальше.

Двигалась она ловко, умело, быстро – при взгляде на нее я вдруг вспомнил цирковую афишу с улыбающейся девушкой на канате. Это было совсем не к месту здесь и сейчас, на крыше мчащегося сквозь ночь поезда, но я помимо воли представил себе маленькую Джейн, еще ребенка, взлетающую на трапеции. Она ведь начала выступления семилетней девочкой, родители ее были акробатами по фамилии Визарди – знаменитыми Летающими Визарди – и разбились, упав из-под самого купола, когда кто-то из конкурентов цирка Гарибальди подпилит стойку. Маленькая Джейн этого не видела, она в тот момент спала в своей кровати. С цирком она исколесила всю Европу, была и в России, даже за Уралом, даже до Китая доезжала. А потом корабль, на котором труппа переплывала Красное море, затонул. Мама единственная спаслась. Ей было семнадцать; в портовом городе под названием Суакин, куда она доплыла вконец обессиленная, прямо на берегу к ней пристали какие-то бродяги... и сбежали, когда в их грязные лица уставился ствол пистолета. Оружие держал высокий черноволосый юноша, назвавшийся Генри МакГрином. Он случайно увидел незнакомую мокрую девушку на берегу в окружении бродяг и пришел на помощь. Моему отцу тогда не было и двадцати.

Сейчас мама кажется более строгой и сдержанной, чем он, реже смеется и временами бывает почти чопорной, но при взгляде на нее мне иногда видится та смешливая девчонка-акробатка из погибшего цирка. Ведь она до сих пор частенько в порыве чувств может взять да и сесть на шпагат прямо посреди нашей гостиной. А в отце, добродушном здоро-

вяке, нет-нет, да и проглянет тот молодой бродяга, бросивший старый, скучный родовой дом и ушедший в большой мир на поиски приключений и новой жизни, а нашедший женщину своей жизни – Джейн Визарди, через много лет превратившуюся в петербургскую жительницу.

Я полз по раздвижной лестнице, и сердце замирало в груди. Внизу был узкий грохочущий провал, а в нем короткий коридор с окошками, вкусно именуемый «суфле». Его накрывала выпуклая железная крыша, состоящая из подвижно скрепленных полос, и сверху напоминающая спину железной гусеницы. Спина эта была в паре метров ниже и едва угадывалась в темноте, и если свалиться на нее, то точно не удержишься.

Генри, перебравшись по лестнице следом, подтянул ее, сложил, передал мне, а я передал маме. Снова поползли.

Впереди виднелся темный обзорный купол вагона-ресторана. Темный – вот так! Добытые мною сведения верны, и хотя ресторан еще работает, купол закрыт. Мы двигались к нему, старательно хватаясь за выступы. Ветер иногда приносил из-за купола клочья дыма, они черными призраками проносились мимо.

Без приключений миновали четвертый вагон, а за ним и третий. Купол закрывал переднюю часть состава. На краю вагона-ресторана Джейн остановилась и громко, чтобы перекрыть вой ветра и грохот колес, сказала:

– Придется двигаться по краю. Видите, между куполом и краем остается небольшое расстояние? Поползем слева.

Мы взяли курс к краю вагона, но мама вдруг остановилась и несильно лягнула меня, чтобы я последовал ее примеру.

Купол, как я понял еще на перроне, был не круглый, а продолговатый. Этакий покатым киль из стекла и железных ребер. Под ним в центре крыши виднелся проем с ведущей вниз лесенкой, а вокруг стояли диванчики. И на одном из них сидел в мечтательной позе юный граф Юрий Федорович Кушелев-Безбородко.

Джейн растерянно оглянулась на нас. Сзади донесся голос Генри:

– Чего это он? О чем мечтает?

– Обо мне, – ответил я.

– Что? – удивились оба.

Я отмахнулся:

– Неважно, что делаем?

Ясно было: стоит графу повернуться, и он увидит нас. Ох, и удивится, наверное!

– Обогнем с другой стороны, – решила Джейн.

Мы попятились, развернувшись, благо прямо за куполом ветер был слабее, поползли в обход, а точнее, в обгиб. Вскоре справа, совсем близко, оказался край вагона. Под ним проносился склон насыпи, озаренный светом из окон ресторана, а дальше была темная земля. Ветер стал сильнее и резче. Когда половина купола осталась позади, Джейн снова лягнула меня. Да что ж такое! Мы замерли, глядя влево. Граф Безбородко зашевелился на диванчике, сменив позу, почти уже повернулся к нам. Сейчас увидит! В этот миг моя правая рука скользнула, и я с придушенным воплем сорвался с вагона.

Рывком натянулись ремни, я повис. Поток воздуха прижал меня к стенке, как котлету лопаткой к сковороде. Руки и ноги сами собой раскинулись, лицо вдавилось в стекло. Штора за ним была сдвинута, открывая мне отличный вид на вагон-ресторан. Приглушенный свет, наряженные господа и дамы... Официант, ловко удерживая поднос одной рукой, идет между столиками. Прямо за окном сидит знакомый бородатый господин в обществе двух дам – тот, из нашего вагона. А я распластался, выпучив глаза под гоглами, будто лягушку проглотил, и сам весь, как лягушка на столе препаратора, прижатый к стеклу, весь такой плоский-плоский – вишу в полуметре от них и ничего не могу сделать!

Ремни дернулись, потянули вверх. Уловив движение, бородач повернул голову и увидел меня. Медленно на пьяном лице его начало проступать неземное удивление. Он поперхнулся шампанским, поставил бокал и кулаками протер глаза. Тут наверху поднатужились и вздернули меня обратно на крышу.

Сердце истошно колотилось в груди. Бородатый меня заметил! Что делать?! Он поднимет шум! Хотя он пьяный... Вцепившись в выступ вентиляции, я поперхнулся ветром и закашлялся.

Спереди и сзади мама с отцом напряженно смотрели на меня. Покашляв, я пожал плечами и сделал жест: ползем дальше. Все равно ведь сделать ничего нельзя, остается только ждать реакции из вагона.

Уже начав двигаться, я вспомнил о графе и покосился на купол. Кушелев-Безбородко стоял коленями на диване, оттопырив в нашу сторону обтянутый панталонами зад, смотрел вдаль, где, надо полагать, видел нежный лик прекрасной ирландки Абигаил Уолш, проступающий в ночной мгле.

Вскоре купол остался позади. Никто не раскрывал окна ресторана и не пытался выглянуть вверх через край вагона, никто не появлялся в куполе, не лез на крышу. Может, бородатый господин решил, что это пузырьки шампанского разыгрались в его голове, и припавшее к окну в ночи пучеглазое чудище ему привиделось.

Ветер доносил запах дыма. Еще минута – и мы достигли крыши радиовагона. Джейн поманила нас, мы сблизили головы, и она сказала:

– Остался последний этап. Все всё помнят? Генри, ты первый.

Мы перепристегнули ремни так, чтобы отец оказался во главе нашего маленького отряда, и снова поползли. Впереди высилась огромная труба «Самодержца» – будто Темная Башня, куда по бесплодным землям пробирается Чайлд-Роланд. Поэзию в целом я не очень одобряю за общую смутность и нелогичность, но творение поэта по имени Роберт Браунинг запало мне в душу еще в детстве своей мрачной завораживающей красотой.

Дым чернильными кляксами вылетал из трубы. Мы преодолели половину вагона, когда пошел мелкий дождь. Ну вот, только его не хватало! Из-за скорости капли летели параллельно земле. Влага начала расплываться по гоглам, это мешало, но до края вагона доползли без приключений.

Паровоз был заметно выше вагонов – темный утес, увенчанный башней-трубой. Грохот еще усилился, я почти оглох, даже уши немного заболели. Глухие раскаты пульсировали в них, отдаваясь дрожью в груди.

Генри включил фонарик на плече и соскользнул с края в пространство между вагоном и паровозом. Ремень дважды дернулся – это означало, что он благополучно достиг крыши суфле. Когда я последовал за ним, Джейн присела на краю вагона и крепко уперлась руками. Пошире расставив ноги, я верхом устроился на покатой крыше; Генри был слева – повис на ремне у стены. Идущий к нему ремешок дернулся, едва не стащил меня вниз, но сразу натянулся тот, что шел ко мне от Джейн. Из-за края суфле показалась голова отца, рот открывался и закрывался.

– Не слышу! – я покачал головой, затем подался к нему и сказал громче: – Не слышу тебя!

Генри заполз немного повыше.

– Тут нет окна! В этом суфле нет окон!

Раздался тихий стук – мама прыгнула позади меня. Села в той же позе, оседлав суфле. Идущий от нее ремень ослаб, я откинулся назад и повторил сообщение отца.

– Это плохо, – сказала она.

Висящий сбоку Генри, судя по выражению лица, считал так же. Я произнес так, чтобы слышали оба:

– Спокойно. Не забывайте, что свой комплект инструментов для Ночного Проникновения с Возможным Применением Акробатики я готовил сам.

Половину слов они, скорее всего, не разобрали. Не дожидаясь ответа, я достал из кармана на лодыжке ножницы по металлу, стащил с них защитный чехол и громко клацнул. Лицо отца преобразилось, а мама чмокнула меня в вязаную шапочку на макушке.

– Алек, ты гений! – донеслось сзади. – Впрочем, неудивительно.

Генри схватился за мою куртку, улегшись животом на краю, сказал:

– Главное, чтобы под нами никто не прошел. Хотя этот риск был и раньше.

– Вы снова говорите очевидное, – проворчал я. – А уже без двадцати два.

Крыша состояла из гнутых полос тонкого металла, которые сдвигались, когда состав проходил по изгибам рельс. Раскромсать ножницами, а после отогнуть край одного сегмента не составило труда. За пять минут я вскрыл его, как консервную банку, прорезав неровный круг, согнул железо и посветил вниз. На полу этого суфле ковровой дорожки не было – чтобы паровозная бригада, все эти кочегары, машинисты и смазчики не пятнали ее своими грязными сапогами.

Отец спустился первым, отстегнулся, вытащил револьвер и шагнул к двери радиовагона. Я спрыгнул за ним, потом Джейн. Все мы включили фонари. Из-за грохота говорить в коридоре было невозможно, вернее, – говори, пожалуйста, только тебя никто не услышит. Пока я сматывал ремень, Джейн тоже достала револьвер и направила его на дверь, ведущую в паровоз.

Вытянувшись на цыпочках, я загнул обратно металл, чтобы следы проникновения не так бросались в глаза. Генри, подняв гоглы на лоб, с револьвером на изготовку шагнул в радиовагон. Там было темно, из суфле мы увидели, как отец поводит туда-сюда фонариком. Поправил висящий за спиной кофр и сделал приглашающий жест.

Мы вошли следом, Джейн закрыла дверь. Первый этап операции завершился: мы были внутри радиовагона. Начиналось самое главное.

2

Небольшой тамбур был целиком обит темно-вишневой тканью, в свете фонарей казавшейся почти черной. Под ногами она пружинила, как подушка.

Джейн первым делом повернула меня к себе, задрала мои гоглы на лоб, тревожно заглянула в глаза, осмотрела лицо, потом, отступив, окинула взглядом с ног до головы.

– Ты ничего не повредил, когда упал с вагона? Все цело?

В глазах ее было беспокойство. Я ответил:

– Все в порядке, иначе я бы сказал. Все, все, соберись, Джейн!

Она закатила глаза и пробормотала:

– Мое собственное чадо призывает меня собраться!

Генри, вставший у второй двери, за которой начиналась радиорубка, негромко произнес:

– Мне не пришлось работать отмычками, дверь в тамбур была не заперта. Надеюсь, эта тоже.

– Вилл Брутман или кто-то еще может быть внутри, – указал я.

– Если так – свяжем их и кляп в рот, – жестко сказала Джейн. – Но скорее всего они все в паровозе. Это же его первый серьезный рейс.

У меня сильно саднило колено, которым за что-то зацепился, когда падал, но я на это наплевал, болит – и черт с ним. Хотя мы и добрались сюда, впереди самый важный этап операции, и за ним еще третий акт игры: возвращение в наш вагон. А поезд идет на всех

парах, и до купола Всемирной Выставки недалеко... Надо действовать планомерно, четко и быстро.

Я так и сказал родителям. Серьезно напомнил обоим, что расслабляться рано, что все еще не позади, все только начинается, а потому – к делу!

Вторая дверь тоже оказалась не заперта. И внутри радиовагона никого не было. На потолке тускло горели лампы, окна скрыты под заслонками; отдельных купе здесь не было, перегородок тоже – мы видели дверь другого тамбура. Справа пол вагона устилал ворсистый ковер без узоров, слева к стенам прикручены столы и лавки. Между ними высились железные шкафы, а в центре стояла большая радиостанция.

Я шагнул к ней. Массивная, угловатая, высотой с меня; от крышки в потолок уходит решетчатая труба со жгутом проводов внутри, сбоку торчит полукруг деревянной столешницы. На ней телеграфный ключ, блокнот и ручка-самописка. Рядом с установкой – выступающая из стены лавка без ножек, с выгнутой спинкой.

Мы выключили фонарики. Подождали, привыкая к слабому свету ламп. Левый угол вагона был отгорожен под гардероб, там висели плащи и черное пальто Вилла Брутмана. На полочке лежали шарф, котелок и два кепи.

Подойдя к радиоустановке, Генри стащил со спины кофр, положил на столешницу. Джейн прикрыла дверь в тамбур, а я повернулся вправо, разглядывая то, что находилось в углу напротив гардероба.

Там на ковре стоял застеленный брезентом поддон, служивший подставкой для высокого металлического цилиндра. Он был гладкий посередине и ребристый в нижней и верхней частях, на боку его виднелся монтировочный люк, запертый на цифровой замок.

– Что за ерунда? – удивился я, подходя к агрегату. – Зачем тут замок?

– Вероятно, Брутман не хотел, чтобы кто-то заглянул внутрь? – предположил Генри.

– Ну да, вероятно, так. Но шифр у нас есть, не зря же мы банк грабили?

Джейн, помахав затянутой в вишневую кожу памятной книжкой Брутмана, тоже приблизилась к агрегату и стала листать страницы. Еще в купе изучив похищенную из «Царь-Банка» книжку, она теперь выглядела вполне уверенной. Поглядела на замок, сдвинула брови, провела пальцами по наборным кольцам с цифрами, снова перелистнула несколько страниц, сверилась – и стала вводить код.

Со щелчком люк раскрылся. Встав плечом к плечу, мы заглянули внутрь. Ну вот – насос, подумал я. Так и знал. Насос как насос, двухцилиндровый. Хотя, что это за вторая железная дверца в верхней части, причем необычно длинная и узкая? И еще один цифровой замок на ней... Как-то очень странно: устраивать сейф внутри парового насоса.

– Я нашел схемы! – позвал Генри, и мы подошли к нему. Он успел вскрыть самый большой железный шкаф в дальнем углу вагона, вытащить оттуда несколько папок и засаленных тетрадей, разложить их на ближайшем столе. Я спросил:

– Вы знаете, от чего питается радиоустановка?

– От пяти серно-цинковых батарей с последовательным подключением. Этот вопрос я изучил.

Раскрыв одну папку, он ткнул пальцем:

– Вот схема этого агрегата.

– Двухцилиндровый, – прочел я, сощурившись в неярком свете. – Нагнетательный воздушный насос... То есть – тандем, цилиндры высокого и низкого давления... Работает от паровой машины, ну понятно... Правильно, это тот, который стоит в углу. Под верхним цилиндром в нем вроде сейфа, такой длинный железный ящик с замком, и это очень странно. Джейн, сможешь его вскрыть?

– По-моему, вот этот код от него, – сказала она, уставившись в памятную книжку.

– Э, погодите-ка! – я потянул к себе толстую тетрадь, которую отец только что открыл. – Вот же!

– Что? – не поняли они.

– Да вот! – я показал на схему, начертанную в тетради, а потом – на цилиндр в углу.

Они помолчали, и Джейн произнесла многозначительно:

– Алек, хочу тебе напомнить, что мы многое сделали для твоего образования и оплатили учебу в Техническом училище, одном из самых престижных и дорогих учебных заведений России.

– Но, к сожалению или к счастью, сами мы в нем не обучались, – хмыкнул Генри.

Мама заключила:

– К счастью, я уверена – к счастью.

Я пожал плечами:

– Хорошо, тогда слушайте. На поезде стоят воздушные тормоза. С их концепцией вы знакомы? Сжатый воздух идет от насоса, который работает от пара из котла. Из схемы, начертанной в этой тетради, совершенно однозначно вытекает, что тормозная система «Самодержца» работает от насоса-компаунда новейшей разработки германского консорциума «TechnoLux». Вот здесь это написано. Компаунд! – я погрозил родителям пальцем. – Он лучше, у него штоки на разных осях, а еще такое подвижное коромысло...

– Лучше чего? – перебил Генри.

– Агрегата, что стоит в углу. Потому что агрегат этот – просто двухцилиндровая паровая машина, совмещенная с компрессором, в смысле, тандем-компрессор, у которого поршни в общем штоке... – видя глубокое, сосредоточенное непонимание на их лицах, я заключил: – Ну, короче, это вообще не то! Невозможно паровоздушный насос-компаунд «Самодержца» заменить тандем-компрессором, что стоит в углу. Нет, возможно, но это... это просто глупость какая-то!

– То есть Вилл Брутман в последний момент перед отбытием приказал поставить здесь некий запасной агрегат, который вообще, как бы сказать, и не запасной? И на «Самодержце» не нужен? – внес ясность отец.

– Вот именно. Даже если бы по каким-то совершенно непонятным мне соображениям они бы решили поставить здесь запасную машину – там должен был находиться насос-компаунд. А в углу стоит тандем-компрессор. По-моему, у Брутмана просто в последний момент под рукой не нашлось компаунда. Ну или другого варианта, чтобы скрыть от посторонних взглядов сейф. Монтировать его в один из этих шкафов он побоялся, внутрь могли заглянуть. Все дело в сейфе, понимаете? Компрессор – только прикрытие, камуфляж.

Генри склонился над листом воцеленной бумаги, где была схема паровоздушного насоса, а Джейн сказала:

– Ой!

Мы посмотрели на нее. Она ощупывала памятную книжку Брутмана, мяла пальцами вишневую обложку. Я спросил с подозрением:

– Что?

– Там что-то есть. Под обложкой. Она плотная, поэтому я сразу не... Подождите-ка...

Мама взрезала обложку ножиком, запустила под нее пальцы – и вытащила свернутый лист бумаги-восковки. С шелестом развернула. Я выхватил у нее лист, оглядел, чертыхнулся и положил на схему, что была начертана в большой тетради.

Две схемы совпадали. Почти.

– Мне это кажется крайне интересным! – хмыкнул отец. – Поглядите, разве это – типичный элемент для данного агрегата?

На схеме, что обнаружилась под обложкой записной книжки, кроме прочего, было нарисовано нечто, похожее на поганку с тонкой ножкой. Не просто нарисовано, а обведено

жирным овалом, от которого кверху отходило несколько зигзагов-молний. Причем если вся схема была создана с помощью чертежных инструментов, то поганка с молниями намалевана поверх нее – от руки, грубо.

Я глянул на агрегат в углу, на схему, и решил, что поганка четко накладывается на сейф под кожухом. То есть непонятная штуковина пряталась под длинной дверцей за монтажным люком.

– А кстати, – сказала Джейн. – Смотрите, на этой схеме в уголке что-то написано, совсем мелко. Может, код от сейфа внутри насоса? – Она склонилась над схемами. – Не могу понять. Латынь, что ли? В Училище ведь преподают латынь? Алек, прочти.

Настала моя очередь вглядываться. Буквы были очень мелкими.

– Сол... – пробормотал я. – Что же там... А, солярис. Солярис рецептум, гм.

– Что это значит?

– Ну, «солярис» – солнечный или световой. – А «рецептум» на латыни значит «приемник».

– Световой приемник?

Я пожал плечами:

– Получается, так.

– Там еще третье слово.

Я взял у мамы фонарик, осветил на схему и сказал:

– Последнее слово – «детонатиус». Не понимаю. Давайте просто введем этот код, и всё.

Подойдя к насосу, я набрал шифр на крошечном замочке внутреннего сейфа. Дверца раскрылась с тихим скрипом.

Внутри была стеклянная трубка с утолщением вверху, прикрепленная железными скобами к задней стенке кожуха. Она напоминала высокую поганку с прямой ножкой и светилась густым сине-зеленым светом.

– Вот она, эта штука с латинским названием, – объявил я. – Солярис рецептум детонатиус. Эти же слова служат кодом от сейфа.

Лица подошедших ко мне родителей были удивленными и встревоженными. Джейн хмурилась. Генри осторожно постучал по трубке кулаком в перчатке и сказал:

– Не могу понять, что за материал. Похоже на стекло, но...

– Но какое-то неправильное стекло, – заключила мама. – И что там внутри? Свет красивый, только, видите, неравномерный. Изумрудные и бирюзовые волны... почему-то мне эта вещь не нравится. Она внушает тревогу. И напоминает поганку.

Я заметил:

– Она ни с чем не соединена – ни проводов, ни трубок, – тогда в чем ее функция? И еще не могу понять, как ее при необходимости вытащить. Скобы не отвинчиваются, они приварены к кожуху. Их что, перепиливать надо, чтобы достать этот «рецептум»?

Пока они обдумывали мои слова, меня посетила новая мысль, я приподнял брови, оглядел родителей и просил:

– Слушайте, а не взглянем ли мы сейчас, как троица ослов?

– Это почему же? – ошетинилась Джейн.

– Но ведь нам нужно передать Мистеру Икс схему насоса? – я показал на восковку в ее руках. – Могли бы сделать это раньше, нет? Она же, получается, все время была у нас, еще с банка.

– Во-первых, ее нужно было для начала обнаружить под обложкой, – возразил Генри. – Во-вторых, Мистеру Икс необходима не только схема, но и словесное описание того, что мы увидели внутри насоса. Описание этого, гм, гриба.

Покачив головой, я еще раз окинул «гриб» взглядом и вернулся к радиоустановке. И обнаружил, что отец поставил свой кофр на полукруглую столешницу с телеграфным ключом, причем успел раскрыть его.

Содержимое кофра поразило меня еще в купе. Но тогда родитель так толком и не объяснил, что это там внутри; вернее, объяснил, но лишь общий смысл, не вдаваясь в подробности. А мне их ох как не хватало!

Примерно напололам кофр делила горизонтальная металлическая пластина, целиком закрывающая дно. В ней были прорезы и отверстия, из самого большого выступал латунный бок цилиндра вроде тех, что используют в шарманках, усеянного круглыми дырочками. Я был уверен, что если цилиндр начнет вращаться, то из дырочек станут высовываться металлические штырьки. Еще из прорезей в пластине торчали шестерни; виднелись забранные стеклом окошки с цифрами, рукоятки и кнопки. И решетка в одном углу, а в другом – прямоугольная стеклянная рамка. Все вместе это выглядело очень стильно и загадочно.

Оказалось, что прежде чем подойти к насосу вслед за нами с Джейн, Генри успел кое-что сделать, и теперь от кофра к клеммам на боку радиоустановки протянулись два провода.

Я сказал ему:

– В купе ты назвал аппарат транслятором-копировщиком, но ничего толком не объяснил. Как он действует?

Отец вдавил клавишу возле решетки, и одна клемма заискрила. Внутри аппарата заурчало, что-то сдвинулось. Окошки с цифрами озарились светом.

– Не просто транслятор-копировщик, Алек, – важно сказал отец. – Это – радиотранслятор. То есть приемопередатчик. Небольшая радиостанция, совмещенная с копировальной машиной, вот так. Честно скажу, не знаю, как назвать эту вещь, поэтому называю просто: транслятор.

– Фантастика, – сказал я. – И зачем оно нам?

Мама, щелкнув крышкой часов, заметила:

– Уже два часа, времени у нас не так много. Вы заканчивайте работу, а я покараулю.

Передав отцу схему, она пошла к тамбуру, по дороге недоверчиво поглядев на поганку, свечение которой лилось из раскрытой дверцы.

– Насколько я понял из описания, за этим, – отец коснулся стеклянной рамки, под которой горел мягкий желтоватый свет, – скрыто нечто под названием «светочувствительный фотослой». В общем, гляди...

Лист восковки был слишком большим, Генри достал нож и разрезал его пополам. Откинув рамку, вложил в нее половину схемы, закрыл и нажал на кнопку. Зажужжало, желтоватый свет под схемой разгорелся ярче. С тихим хрустом завращался цилиндр, из отверстий, щелкая, стали выступать и вдвигаться обратно штыри.

– Кстати, внутри – электрический генератор переменного тока.

Я покачал головой:

– Не может такого быть.

– Почему же?

– Потому что никакой генератор, тем более переменного тока, там не поместится.

– Ну вот, поместился.

– Тогда для чего ты подключил аппарат к батареям радиоустановки?

– Потому что генератора хватает для работы копировальной части, а для радиопередачи на большое расстояние нужен источник посерьезней.

Я повел плечами, стащив с головы гоглы, сунул в карман. И высказал свое резюме:

– Это – чудо техники. Я не знал, понятия не имел, что в мире существует такое. Оно должно быть очень-очень засекречено. Транслятор передал тебе Мистер Икс?

– Ну да, он. Причем переслал его нам через очень необычного курьера.

– Поторопитесь, – сказала Джейн, стоящая сбоку от приоткрытой двери тамбура с револьвером в руках.

Раздался шелест, и я нагнулся над кофром, заглядывая с другой стороны. В торце была прорезь – как раз напротив латунного барабана, – из которой ползла широкая бумажная лента с дырочками и щелями. Я поглядел на мерно вращающийся барабан, на бумагу. Внутри кофра будто сработала маленькая гильотина, и с тихим клацаньем плотный прямоугольник, испещренный разномасными отверстиями, выпал на подставленную отцом ладонь.

– Это, как мне сообщили, называется перфокартой. На ней закодирована схема, считанная копировальным аппаратом. Вернее, – половина схемы. И сейчас то же самое мы делаем со второй половиной.

– Фухх... – я осторожно взял перфокарту, оглядел и приказал своему рассудку, застывшему с разинутым ртом, не удивляться, а то он исчерпает запас этого чувства на годы вперед. – Генри, не знаю, понимаешь ли ты, что перед нами технология будущего. Такого... такого просто нет ни у кого. Этого, – я постучал костяшками пальцев по копировальному радиопередатчику, – не существует. Его нет. Перед нами пустая столешница.

– Уверен?

– Точно! – решительно кивнул я.

– Может, и так, – пожал плечами отец. – Могу лишь повторить: нас этой штуковиной снабдил Мистер Икс. Транслятор доставили сегодня утром, перед тем как мы отправились в банк.

– Да кто же такой этот Мистер Икс? – пробормотал я, вдруг осознавая нечто новое, начиная смотреть на всю ситуацию иначе. И раньше ясно было, что дело опасное, но теперь я подумал о том, что оно еще и крайне серьезное, то есть серьезное, как бы сказать... с мировой точки зрения: в нем задействованы некие силы, мне абсолютно неизвестные. Странные силы, темные силы, зловещие силы.

– В чьем распоряжении на планете, – произнес я медленно, – могут быть подобные технологии?

Генри заряжал в транслятор вторую половину схемы, и ответила стоящая у тамбура Джейн:

– Мы говорили тебе, что не знаем настоящего имени Мистера Икс.

– Но вы знаете того, кто попросил вас выполнить работу для него, – и не говорите мне.

– Ты все узнаешь после дела, – заверил отец и для убедительности повторил: – Все.

– Хорошо, нам действительно пора спешить, – сдался я. – Теперь мы имеем эту схему в закодированном виде. Кто знает код – или у кого есть механический дешифратор с самописцем – сможет снять код с перфокарт и получить такую же схему, то есть ее полную копию. Дальше что?

– Мы передадим содержимое через радиопередатчик.

Я покачал головой:

– Хочу указать на тот факт, что посредством радиоволн посылаются сообщения, закодированные азбукой небезызвестного Сэмюэля Морзе и, главным образом, его незаслуженно гораздо менее известного соратника Альфреда Вейля, который на самом деле и создал знаменитую азбуку, чье авторство Морзе себе бессовестно присвоил. Я понятно выражаюсь? Наверное, точки и тире из азбуки будут соответствовать дырке или щели определенной длины на этой перфокарте?

Генри вместо ответа достал портмоне, вытащил лист бумаги, развернул и показал мне:

– Это код для расшифровки содержимого перфокарты, который пришел вместе с транслятором. Хотя я захватил его лишь на всякий случай. Транслятор сам передаст содержимое перфокарт, надо лишь зарядить их туда. Давай-ка приступим, Алек.

– На каких волнах он передает? – уточнил я, когда отец склонился над аппаратом.

Он вдавил клавишу – с жужжанием раскрылись заслонки, из кофра вверх начал выдвигаться, расширяясь, телескопический решетчатый конус. Достигнув метровой длины, дернулся и замер. Он немного напоминал трубу граммофона, но смотрел точно вверх.

– Да-да, это антенна, – сказал я. – Больше ты меня ничем не удивишь. Ответь на мой вопрос...

– В инструкции сказано, что радиопередатчик работает в СКВ-диапазоне.

Отец сел на прикрученную к стене лавку и вставил первую перфокарту в приемник транслятора.

– В каком, в каком диапазоне? – подозрительно уточнил я. – Что за СКВ?

– Совсем Короткие Волны.

– Чего?! Вообще-то, они называются... Ох, ладно, неважно! *Совсемкороткие*, хорошо, хорошо! Наверное, у вашего Мистера Икс собственная терминология. У меня другой вопрос: антенна направлена вверх – зачем? Куда она передает... – внезапная догадка осенила меня, и я устался в потолок вагона. – Там что, дирижабль? Силы небесные, ваш заказчик сейчас над нами!

Генри тоже поглядел вверх, как и Джейн у двери.

– Полагаешь? Гм, вообще-то неожиданная идея... Ты уверен?

– Ну и ночка, – я потер лоб. – Как бы объяснить?... Связь на, гм, *совсемкоротких* волнах осуществима, только если приемник и передатчик находятся в пределах видимости друг друга, то есть когда антенна приемника как бы смотрит на антенну передатчика. Не должно быть преград: гор, выпуклости планеты... – я помедлил и уточнил: – Хочу прояснить чисто для себя, вы же в курсе, что Земля – шар? А? – я обвел их взглядом. – Она круглая, да? Никаких слонов, никаких дисков...

– Не смешно, Алек, – сказала Джейн. – Мы знаем, что Земля круглая.

– Действительно, – пробормотал Генри задумчиво. – Нет, точно, знаем.

– Так вот, если станция связи на корабле работает на *совсемкоротких* волнах, то сигналы фокусируются особой антенной, ну вроде этой, которая направляет их в нужную сторону. К берегу то есть. А у нас куда они фокусируются? В небо. Отсюда вывод: над нами летит дирижабль с приемником, и он... Так, я вижу, что вы не можете квалифицированно поддержать эту беседу, и замолкаю, дабы не вызывать семейных разногласий в ночь своего рождения.

– Верное решение, Алек, – одобрила мама. Отец, уже махнувший рукой на мои разглагольствования, крутил настройки транслятора, двигал рычажки и нажимал на кнопки.

Аппарат загудел. Вставленная в приемник перфокарта поползла внутрь кофра, который начал тарыхтеть и пищать. Я узнал бессмысленный шум мирового эфира – атмосферные помехи, окружающие нас, но неслышные для человеческого уха. Раздались пiski, короткие и длинные, когда аппарат начал передачу, считывая сведения с перфокарты, которую сам же и закодировал. Генри отправил в приемник вторую, а мне пришло на ум, что, наверное, можно было обойтись вообще без перфокарт, транслятор мог бы снять информацию со схемы, зашифровать при помощи латунного барабана и тут же передать в эфир...

Ритмичный писк смолк. А потом произошло невероятное. Сквозь шипение, хрип, щелчки и треск из решетки динамика донесся голос:

– Здесь Мессия. Передача принята. Прошу дополнить словесным описанием.

Это было так неожиданно, словно пол вагона провалился подо мной. Мое воображение взвизгнуло и перепуганно затихло, а разум уселся на зад, выпучив глаза и разинув рот. Голос?! В эфире?! Не азбука Морзе – живой человеческий голос!

У меня даже подогнулись ноги, я попятился и привалился к стене. Генри оглянулся на меня, и я хрипло прошептал:

– Он передает и принимает голос! Но... но ведь... Ведь можно посылать только сигналы азбуки Морзе! Радиоустановки не передают голоса! Хотя... – моя мысль уже работала вовсю. – Хотя можно использовать колебательный контур. Он будет модулировать акустический сигнал, а на той стороне приемник преобразовывает его обратно в звук. Здесь что, стоит такой? Мы можем не только слышать, но и отвечать?

– Ага, – довольно осклабился отец, не очень понявший причину моего изумления. – Мы слышим его, а он нас.

Снова заискрила клемма. Генри подкрутил рукоять, транслятор зашипел громче, из него донеслось:

– Мессия слушает. Двухзубец, передавайте.

Говорили на английском. Голос отдавал странным металлическим призывом и был не очень разборчив, а интонации его казались необычными и какими-то чуждыми, что ли.

– Значит, Мессия, – тихо повторил я.

– Мессия, это Двухзубец, – громко произнес отец тоже на английском. – Двухзубец. Как слышно?

После паузы невидимый собеседник откликнулся:

– В пределах нормы, с учетом всех обстоятельств и производных.

Производных? Я попытался понять, что он имеет в виду. Вскоре стало ясно, что Мессия зачастую использует не совсем верные слова... то есть внешне – правильные, но ускользающе-неточные, словно он либо не вполне владел английским языком, либо отличался необычной, экстравагантной работой ума.

– Мы готовы... – начал отец, но я, нагнувшись к транслятору, перебил:

– Мессия, где вы находитесь?

– Кто произнес это? – донеслось из аппарата.

Чудно он все-таки звучал. Будто с нами разговаривал Механический Человек – диковинка, которую на Всемирной Выставке должна была представить французская «Дюкрете».

– Приглашенный помощник, – пояснил Генри и локтем ткнул меня, чтоб помалкивал, но я не собирался отступить:

– Вы над нами, Мессия?

– Это не так.

– А как тогда? – удивился я. – Антенна передатчика направлена вверх.

– В средних слоях атмосферы над участком Москва – Санкт-Петербург висит трансляционный зонд.

– Зо... – я запнулся, снова пытаюсь понять, о чем это он. – То есть там... дирижабль? Змейковый воздушный шар с радиостанцией?

– Я называю его «летательный дрон», – откликнулись из транслятора. – Он управляется дистанционно и...

– Дистанционно? – перебил я. – Такое невозможно.

– Есть многое в большом пространстве, чего вы пока не знаете, приглашенный помощник. На дроне установлена переизлучающая станция, работающая на длительных волнах.

– Длительных? Ага, значит, есть совсем короткие, а есть длительные? О'кей, понял, но где же находитесь вы?

– Мессия расположен в другой среде.

– В другой среде? Что, во имя Ньютона, это значит?!

– Готов принять сообщение, – произнес Мистер Икс, проигнорировав последний вопрос. – Попрошу словесное описание осмотренной машины.

Генри оглянулся на меня, пожал плечами, словно говоря: ты и так влез и болтаешь без умолку, вот и давай, описывай. Я откашлялся, чтобы собраться с мыслями, и заговорил:

– Первое: это тандем-компрессор, а на «Самодержце», судя по документации, стоит насос-компаунд. Второе: внутри компрессора обнаружен неизвестный элемент в виде стеклянной трубки с утолщением. Светящейся, в смысле... флуоресцирующей.

– Цветовой оттенок? – голос прозвучал громче и напряженнее.

– Оттенок изумрудный и...

– Бирюзовый, – подсказал Джейн от двери.

– ...и бирюзовый. А это важно? Еще на схеме есть надпись латынью: солярис рецептум детонатиус.

Собеседник надолго замолчал, только помехи были слышны, и я решил, что парящий где-то в ночном небе невероятный «дистанционно управляемый летательный дрон» потерял связь с нами, но тут Мистер Икс произнес:

– Дождитесь ответного сообщения. Возможно, понадобятся дальнейшие действия.

Джейн резко повернулась к нам. Ссутулившийся Генри распрямился на лавке:

– Но предполагалось, что после осмотра и сеанса связи мы сразу вернемся в свое купе.

– Сеанс не закончен. Важно дождаться ответа, не покидая место теперешнего нахождения. Крайне важно, Двухзубец.

– Трехзубец, – поправил я машинально. – Нас же трое.

Голос смолк, остались лишь помехи. В конце вагона негромко стукнуло. Я посмотрел туда: Джейн, приоткрыв монтировочный люк, уставилась на светящуюся поганку.

Протянув руку над плечом Генри и немного прикрутив ручку громкости, чтобы шипение помех стало тише, я сказал:

– Могу еще верить в радиоуправляемый воздушный шар, этот «дрон», висящий над нами. Не думал, что такое существует... ладно, поверил. Но что он подразумевал под «другой средой»? Какая другая среда, где он находится, этот ваш Мессия? Мистер Икс?

Генри, хлопнув ладонью по столу, выпрямился:

– Так или иначе, мыждемся ответа, а после вернемся в наше купе. Время еще есть.

– Идут! – шикнула мама, бросаясь к нам. – Сюда идут!

Мы с отцом переглянулись. Я рванул провода из клемм, а он захлопнул кофр и сунул за радиоустановку, к стене. Джейн, отправив пистолет в кобуру, на полпути к нам подскочила – и оказалась под потолком. Он был покато выгнут, вдоль него шли тонкие рельсы, а в дальнем конце вагона был подъемный блок на колесиках, который я раньше не заметил, потому что тот прятался в густой тени. Наверное, с его помощью в вагон ставили громоздкую часть оборудования и железные шкафы.

– В гардероб! – отец, схватив меня за рукав, рванул туда.

Мама повисла у потолка лицом книзу, упираясь в рельсы руками и ногами. Из тамбура донеслись голоса. Мы заскочили внутрь гардеробной, я нырнул за черное пальто и замер рядом с Генри.

Первым из тамбура шагнул Вилл Брутман, следом в вагон вступил человек-лоза. Они прошли так близко, что, вытянув руку, я бы мог дотронуться до них. На этот раз человек-лозу я сумел разглядеть отчетливо: лет тридцать шесть – тридцать восемь, красив, но как-то неприятно красив. Крупный нос с горбинкой, высокий лоб, густые темные волосы, черные глаза. Похож на балканца, решил я. Серб или хорват.

Инженер неожиданно остановился, и спутник едва не налетел на него. Я не видел этого, но понял: Брутман смотрит на клеммы радиоустановки. Все пропало! Сейчас он поймет: что-то не так. Но в этот момент человек-лоза произнес красивым баритоном:

– А я говорю вам: от паренька необходимо избавиться.

Брутман развернулся на каблуках:

– Мистер Чосер, я не позволю ни вам, ни этому вашему монстру убивать невинных людей!

Человек-лоза отступил на шаг, будто под напором уверенного голоса инженера, согнув спину, кротко поклонился... А потом случилось нечто странное. Будто судорога прошла по его телу, и в своем укрытии я вцепился в пальто, увидев стремительную перемену, произошедшую с ним. Генри рядом со мной переступил с ноги на ногу и тихо вздохнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.